

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОМИТЕТ

ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ПЫТОК В БЕЛАРУСИ

**ПЫТКИ И ЖЕСТОКОЕ
ОБРАЩЕНИЕ В
ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ
КОЛОНИИ №3
ВИТЕБСКОЙ
ОБЛАСТИ**

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

*«Колония – это место, где из
тебя делают послушного раба...
Издевались надо мной очень
сильно. Были дни, когда меня
просто несли на работу на
плечах. Как раненых, знаете?»*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Общая информация об ИК-3: «политическая тюрьма»	7
Начало пути заключенного: СИЗО – этап – «Витьба-3»	12
Этап	13
Карантин	15
Быт в колонии	21
Санитарные условия и гигиена	24
Питание	25
Корреспонденция, посылки, отоварка, свидания, звонки, адвокаты	26
Труд заключенных	29
Поборы с заключенных и неформальные платежи	35
Неформальная тюремная иерархия	36
Низкий социальный статус	39
Политические заключенные	42
Провокации и «стукачество»	47
Физическое и психологическое насилие над заключенными	50
«Нарушения» и наказания	52
ШИЗО и ПКТ	56
Медицинское обслуживание: «Какое у кого здоровье, тот так и выдерживает»	59
Оказание медицинской помощи в ИК-3	60
Содержание в колонии людей с инвалидностью, психическими расстройствами и серьезными особенностями здоровья	65
Психиатрическая больница	65
Медицинские последствия пребывания в ИК-3	66
Смерти в колонии	67
Медицинский персонал в ИК-3	70
Сотрудники колонии: «Когда знаешь эту мерзость, которую они творят или приказывают творить, молчать нельзя»	72
Начальник колонии и его заместители	73
Режимный отдел	77
Оперативники	81
Иные сотрудники	82
Выводы	84

СОКРАЩЕНИЯ

ИК-3 – исправительная колония №3;

ДИН – Департамент исправления наказаний Министерства внутренних дел Беларуси;

ДПНК – дежурный помощник начальника колонии;

УДО – условно-досрочное освобождение;

УК РБ – Уголовный кодекс Республики Беларусь;

ПВР – правила внутреннего распорядка;

ШИЗО – штрафной изолятор;

ПКТ – помещение камерного типа;

НСС – «низкий социальный статус»;

СИЗО – следственный изолятор;

СОБИД – секция отдыха и досуга в колонии;

ТЭЦ – теплоэлектроцентраль.

ВВЕДЕНИЕ

«...ощущается некое единство. Типа „бывших сотрудников не бывает“. Сотрудники администрации знают, что там содержатся сотрудники внутренних органов, знают, что у тех и у других руки длинные, и они стараются не делать условия слишком жесткими для „своих“».

Из показаний бывшего заключенного

Данное исследование является четвертым документом в серии расследований условий содержания в исправительных колониях Республики Беларусь¹. Целью данного документа является обзор ситуации с заключенными в исправительном учреждении «Исправительная колония №3» Управления Департамента исполнения наказаний МВД Витебской области (ИК-3 «Витьба»). Авторами документа были изучены 29 интервью (1 836 страниц текста) с бывшими осужденными, которые отбывали наказание в ИК-3 в период с ноября 2020 года по ноябрь 2023 года. Сроки пребывания в этой колонии составляли от 40 дней до 3-х лет.

Основным отличием «Витьбы-3» от других колоний пенитенциарной системы страны является специфика ее контингента — бывшие чиновники и силовики, а также иностранные граждане. Этим объясняется послабление режима для бывших сотрудников. Но, в то же время именно в этой колонии зафиксировано жестокое обращение и создание бесчеловечных условий содержания для осужденных по политическим статьям.

Тяжелые условия быта, непрерывный поток дисциплинарных наказаний без причины, помещение в **ШИЗО и ПКТ** на долгие сроки в холодные и непригодные для нахождения людей камеры, **тяжелый физический труд заключенных** за мизерную оплату — именно так бывшие политзаключенные рассказывают о своем нахождении в этом исправительном учреждении. Закономерным итогом жестоких условий содержания и **неоказания своевременной и эффективной медицинской помощи** становятся потеря здоровья и даже **смерти заключенных в колонии**.

В документе описаны разные этапы нахождения в колонии: карантин, нахождение в отрядах, условия труда заключенных и пр.

Администрация этой «показательной» колонии поддерживает и использует в своих целях неформальную тюремную иерархию, существующую во всех исправительных учреждениях страны (см. разделы **Неформальная тюремная иерархия, Низкий социальный статус**).

Бывшие заключенные указывают на фамилии **сотрудников** администрации ИК-3, ответственных за издевательства над заключенными. Отдельный акцент в документе сделан на **мерах взыскания** к заключенным, **физическому и психологическому насилию** со стороны сотрудников.

Свидетели рассказывают о бывшем начальнике колонии Алексее Старовойтове² и о сменившем его на этом посту Филиппе Стурченко. Бывшие политзаключенные единодушны — оба начальника колонии создали подчеркнуто жесткие условия пребывания для политзаключенных, их действия подлежат правовой оценке и не должны остаться безнаказанными.

Документ содержит факты издевательств над заключенными, нарушении норм и правил обращения с ними (см. разделы **Провокации и «стукачество», Сотрудники колонии**). Авторы констатируют, что в Исправительной колонии №3 грубо нарушаются международные стандарты пребывания заключенных в изоляции.

[1] **Пытки и жестокое обращение в исправительной колонии №1.** «Его лично начальник колонии избивал, причем избивал до такой степени, что у парня открылось кровотечение из прямой кишки». Общественное расследование: <https://torturesbelarus2020.org/ru/katavanni-i-zhorstkae-abyhodzhanne-u-paprauchaj-kolonii-%e2%84%96-1/>.

Пытки и жестокое обращение в гомельской женской колонии №4. «Мы очень любили там стоять смотреть на свободу». Общественное расследование: <https://torturesbelarus2020.org/ru/pytki-i-zhestokoe-obra%da1%89enie-v-gomelskoi-zhenskoi-kolonii-4/>.

Пытки и жестокое обращение в исправительной колонии №17 Шклова. «Ах ты, сука! Мордой в пол!» – Врываются 9-10 человек в маска с дубинками и объясняют тебе резиной все, что им нужно». Общественное расследование: <https://torturesbelarus2020.org/ru/pytki-i-zhestokoe-obra%da1%89enie-v-ispravitelnoj-kolonii-%e2%84%96-17-g-shklova/>.

[2] Бывший начальник исправительной колонии №3 «Витьба» Алексей Старовойтов умер в феврале 2024 года в возрасте 47 лет. Информация о причинах смерти официально не раскрывалась, однако в ряде независимых источников упоминались предположения о возможном самоубийстве.

Интервью с бывшими осужденными, которые отбывали наказание в ИК-3, предоставлены для исследования Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси и Правозащитным центром «Весна». При опознании сотрудников колонии использовались материалы, предоставленные инициативой «Киберпартизаны».

Авторы осознают свою ответственность за информацию, которую открывают общественности в данном расследовании. По этой причине все персональные данные из интервью изъяты, факты о других осужденных анонимизированы. Эксперты Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси готовы предоставить компетентным органам все имеющиеся у них данные для независимого расследования в будущем.

Авторы осознают свою ответственность за информацию, которую открывают общественности в данном расследовании. По этой причине все персональные данные из интервью изъяты, факты о других осужденных анонимизированы. Эксперты Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси готовы предоставить компетентным органам все имеющиеся у них данные для независимого расследования в будущем.

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИК-3: «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА»

«Там сидит коррупционер, который полковник милиции. В том углу милиционер за наркотики — вначале боролся с наркотиками, а потом [сам] заехал по наркотикам. Я писал в письмах — „вот сегодня играю в шахматы с убийцей, завтра играю с наркобароном, послезавтра — с коррупционером“».

Из показаний бывшего заключенного

Исправительная колония № 3 в городском поселке Витьба Витебской области. Фото: vk.com/@belaruskayaturma-vitba-ik-3.

Исправительная колония № 3 управления Департамента исполнения наказаний МВД Витебской области (ИК-3 «Витьба») — это мужская исправительная колония общего режима, известная как «элитная» и «образцово-показательная» зона, расположенная по адресу: городской поселок Витьба Витебской области, ул. Центральная, б. Индекс: 211 300.

Обычно в ней отбывают наказание бывшие высокопоставленные чиновники, силовики, судьи и бизнесмены, иностранцы.

«Вообще ИК-3 — это зона для бывших сотрудников и иностранцев. Со мной в отряде поначалу был парень из Колумбии, из Нигерии. Из Камеруна был парень. Осужденный на 12 лет при мне заехал француз. Парень, который... мать его родом из Африки, а отец из Франции. Ему дали 12 лет за наркотики. Индус был, китайцы были...».

«Наша колония по большей части была ориентирована на бывших сотрудников внутренних органов, чиновников и иностранцев. То есть — это своеобразное образцово-показательное учреждение. Там чуть больше соблюдаются правила, чуть больше уделяется внимание соблюдению субординации ... между администрацией и осужденными. Потому что часто приезжают делегации, послы из других стран, и им надо держать марку, как минимум».

Колония небольшая. В «Витьбе» содержится всего около тысячи осужденных. На тысячу человек приходится 100-150 охранников. Вся территория разделена на две большие части — жилую и промышленную.

Снимок ИК-3 со спутника. Источник: Google Maps.

Вот так выглядит схема исправительной колонии № 3 по словам бывшего политзаключенного Александра Кныровича: <https://ru.belsat.eu/81034006/luchshaya-koloniya-belarusi-kak-zhivut-zaklyuchennye-v-ik-3-vitba-i-mozhno-li-iz-nee-sbezhat>.

- (1) КПП-1 — вход в колонию и кабинет начальника колонии;
- (2) На первом этаже данного административного здания находится гостиница для свиданий, на втором — административные службы колонии (бухгалтерия, отдел кадров и другие);
- (3) На первом этаже указанного здания находится столовая, пункт выдачи посылок и магазин («лавка»). На втором — исправительный отдел, клуб, компьютерный класс для дистанционного обучения осужденных. Там же телефоны для разговоров и карантинное помещение;
- (4) Медчасть. На ее территории располагается единственная в стране психбольница для осужденных мужчин;
- (5) Стадион;
- (6) Церковь (храм Святого Иоанна Русского);
- (7) ШИЗО (штрафной изолятор) и БУР (барак усиленного режима);
- (8) Жилые бараки (три здания);
- (9) Библиотека и банный комплекс;
- (10) Промзона.

До 2020 года по политическим обвинениям здесь отбывали наказание бывший депутат Палаты представителей Сергей Скребец, а также кандидат в президенты в 2006 году Александр Козулин. После выборов 2010 года в «Витьбе-3» побывали также кандидат в президенты Андрей Санников, общественный активист Александр Отрощенко, анархист Игорь Олиневич.

После 2020 года в колонию стали привозить все больше политических заключенных. По данным правозащитного центра «Весна», в ИК-3 отбывали наказание более сотни политзаключенных, среди которых адвокат и член Координационного совета Максим Знак, политик Андрей Дмитриев, блогеры Игорь Лосик и Сергей Петрухин, журналист Дмитрий Новожилов, бывший прокурор Евгений Бабак, бывший следователь Евгений Юшкевич, детский писатель Дмитрий Юртаев, активист Максим Винярский³.

«Половина колонии — это люди с высшим образованием. Умные, адекватные люди, с которыми можно на тему бизнеса поговорить, обучения, языки подтянуть. То есть, это не то, что раньше — воры, убийцы...».

Из экс-чиновников в «Витьбе-3» сидели бывший заместитель генерального прокурора Александр Архипов, экс-руководитель предприятия «Мотовело» Александр Муравьев, академик Александр Белецкий, экс-заместитель госсекретаря Совбеза Андрей Втюрин.

«Это зона, где сидят в большой своей массе бывшие сотрудники. Это следователи, прокуроры, Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, Комитет государственной безопасности, бывший глава службы безопасности Лукашенко, губернаторы, мэры городов, крупные бизнесмены».

Исходя из такого контингента некоторым заключенным условия содержания на Витьбе-3 видятся более мягкими по сравнению с другими белорусскими колониями. Как отмечают свидетели, бывшим судьям, прокурорам и милиционерам условия содержания никто в колонии не ужесточает — как правило, они разбирают себе самые «сытые» должности завхозов, дневальных и прочих приближенных к администрации лиц.

«Поэтому там режим чуть более мягкий, чуть более вялый... Ну ни в какое сравнение не идет с ИК-1, например, в Новополоцке. И Бобруйском или Могилевом и Шкловом».

Однако на политических заключенных с профучетом⁴ — тех, кого обозначают желтыми и красными бирками — в этой «образцовой» колонии обрушивается вся система так называемых «исправительных» мер. Их повседневность складывается из непрерывного давления и ограничений: необоснованные взыскания следуют одно за другим, тяжелый физический труд становится обязательным и изматывающим, а доступ к посылкам, медицинским передачам и общению с близкими систематически ограничивается.

[3] <https://prisoners.spring96.org/be#list>

[4] Профучет (профилактический учет) в колонии — это внутренняя система классификации и наблюдения за осужденными, которых администрация считает потенциально «проблемными» или требующими особого контроля.

Одним из ключевых факторов, определяющих отношение администрации колонии к осужденному, является признание вины. По свидетельствам бывших заключенных, именно этот критерий становится своеобразным маркером «лояльности» системе. Признание вины является у администрации показателем эффективности работы исправительного учреждения, поскольку напрямую влияет на статистику.

Особое место в этой системе наказаний занимают штрафные изоляторы (ШИЗО) и помещения камерного типа (ПКТ), где люди проводят длительное время в условиях, которые сами заключенные описывают как нечеловеческие. Постепенно это приводит к резкому ухудшению здоровья — как физического, так и психологического состояния. В некоторых случаях последствия оказываются фатальными: за последние несколько лет в колонии скончались несколько политических заключенных из-за отсутствия своевременной медицинской помощи.

На территории колонии «Витьба-3» расположена психиатрическая больница, куда со всей страны привозят заключенных для оказания психиатрической помощи, включая осужденных, направленных на принудительное лечение. Формально она считается лечебным учреждением республиканского значения, однако среди заключенных ее воспринимают совсем иначе. По словам бывших узников, «психиатрия» в ИК-3 нередко превращается не в лечение, а в инструмент давления и наказания заключенных.

«Те, кто вину не признавал, чаще подвергались необоснованным обыскам, рапортам о нарушениях и давлению в виде лишения посылок, лишения звонков и свиданий, нежели те, кто вину уже признал и не представляет особого интереса для администрации. Это давление там было даже не прикрито».

«Если СИЗО — это место, где тебя лишают здоровья и психологического равновесия, то в исправительной колонии из тебя делают послушного раба. Режим настолько жесткий и все друг за другом настолько наблюдают, что любое отклонение приводит к наказанию».

НАЧАЛО ПУТИ ЗАКЛЮЧЕННОГО: СИЗО – ЭТАП – «ВИТЬБА»

«Колония — уникальный опыт. Интересный момент был, когда мы только туда заехали. В этот же день освобождался человек. И это было прям как... Какая-то позитивная искорка в сплошной непроглядной темноте. Ну, такое, знаете... искорка надежды. Осознавание того, что люди все-таки освобождаются».

Из показаний бывшего заключенного

Этапирование из СИЗО в колонию, хотя и ожидается осужденными, как правило происходит внезапно. Процедура проходит по давно установленной схеме: открывается дверь камеры, сотрудник называет фамилию и следует команда «с вещами на выход». На сборы отводится несколько минут, за которые осужденный должен собрать все свои вещи. После выхода из камеры ему надевают наручники — в Витебском СИЗО их обычно застегивали за спиной.

Такое положение существенно осложняет даже обычное перемещение человека. Сначала он должен закинуть одну тяжелую сумку на плечо, затем ему надевают наручники, фиксируя руки за спиной. После этого он вынужден в неудобном положении пытаться поднять вторую сумку. С двумя сумками и зафиксированными за спиной руками осужденный почти не может выпрямиться и спускается по лестнице в полусогнутом состоянии.

Затем в комнате досмотра наручники ненадолго снимают, однако это лишь формальная пауза перед тщательным обыском вещей. Содержимое сумок полностью извлекается и перебирается: пакеты могут быть разорваны, а их содержимое рассыпано. Собрать все обратно предстоит самому осужденному, после чего наручники защелкиваются снова.

Перед посадкой в автозак проводится пофамильная проверка, после чего заключенных заводят внутрь по одному. Помощь с вещами исключена, и именно этот момент оказывается одним из наиболее тяжелых физически: руки скованы, сумки тяжелые, а от тебя требуют двигаться быстро.

Автозак представляет собой систему тесных металлических отсеков. Одни из них, так называемые стаканы, рассчитаны на одного человека и едва вмещают его вместе с вещами. Другие представляют собой небольшие камеры на несколько заключенных.

Автозак подвозит осужденных на вокзал. Перегрузка происходит ночью. На отдельную железнодорожную ветку подают так называемый «столыпин»⁵. Когда поезд останавливается, все вокруг начинает напоминать кино: лай служебных собак, крики конвоя, люди с автоматами. Заключенных высаживают из автозаксов и гонят вперед почти бегом, в полусогнутом положении, с пакетами и тяжелыми сумками в руках.

Камеры в столыпине похожи на купе, но людей туда набивают больше нормы. Вместо четырех — шесть или семь человек. По рассказам заключенных, доходило и до 10 человек в купе. Люди ехали стоя, «вот как в троллейбусе едут». Находиться в прокуренном вагоне крайне неудобно, лечь невозможно, ноги затекают, уснуть в таком положении очень сложно.

«...ты каким-то образом загружаешься туда вместе с сумками. Каждый раз это вызывало удивление, каким образом ты туда помещаешься».

«...железнодорожная станция, какая-то отдельная ветка. Туда подъезжает этот вагончик „столыпин“, высаживает, и все как в фильмах: собаки лают, мужики с автоматами орут и вы бежите. Причем, бежать вы должны в положении „согнувшись“, с пакетами, с сумками».

[5] Специализированный тюремный вагон с зарешеченными купе, предназначенный для этапирования заключенных.

«Вначале мы были вчетвером, нормально было, а потом, когда мы уже к Могилеву среди ночи подъехали (Орша), там уже донабирали. Это же этап, он такой: едет, кого-то ссаживают, кого-то набирают. И вот в Орше особенно много накидали, что даже стояли в купе. Накидали тех, кого везли в СИЗО Витебска».

«Были свободные купе. В одном ехал человек с „плохой“ статьей — сексуальное домогательство. Естественно, если бы к нему посадили других арестантов и они бы об этом узнали, ему бы там было некомфортно. Еще был бывший сотрудник. К нему тоже не могли посадить обычных арестантов — бывших сотрудников для арестантов не бывает, тоже вопросы будут. Не хватает мест, и забивают другие купе».

Иногда осужденным приходилось ехать в наручниках целыми сутками. В таких условиях нормально переодеться и согреться практически невозможно, поэтому многие по советам «бывалых» утепляются на этап заранее.

«Едет человек с 139-й [статьей], это убийство, часть 2-я. Он едет без наручников, один в этой клетке, которая на троих. А рядом клеточка на одного, и в ней мы находимся втроем, все трое — политических с наружниками сзади».

«Хочешь есть, хочешь пить — ты все время в наручниках. Хочешь в туалет — ты все время в наручниках. То есть, ты не можешь как-то что-то сделать. На второй ярус, когда у тебя руки в наручниках, — это был большой квест. Не запрещали что-то делать: достать еду какую-то, если у тебя есть, или питье, или что-то еще, но это просто было очень неудобно».

Питание во время перевозки, как правило, скудное. В основном это сухой паек: чай, сахар, немного каши или супа. Во время поездки дают воду, кипяток для заварки чая или супа. В туалет осужденных не выводят ни при каких обстоятельствах, независимо от просьб.

«У меня еда была своя. Но в тех условиях, когда наручники сзади, когда ты в такой ситуации стрессовой, уже организм сжался, как пружина, и ты в любой момент ждешь чего-то. В такой стрессовой ситуации точно не до еды».

«В туалет я ходил первый раз в 6 часов утра. Я ему — конвоиру — говорю: “Я сейчас себе насу на ноги”. Я не мог, у меня мочевина выходила по лбу уже. Реально, у тебя выходит моча через кожу, так ты хочешь в туалет. И вот тогда он отвел в туалет».

Переезд в «стольпине» для некоторых осужденных длился несколько дней, превращаясь в настоящее испытание на выносливость. Например, осужденные из Брестского СИЗО ехали через всю страну 6 суток.

«Они еще делали так, что политическим надо было садиться на корточки и мимо собак [идти]. Собаки лают с двух сторон, вот просто как в нацистском лагере. Мне такое рассказывали, я уже готовился к тому, что придется ползти на корточках с этими сумками, сзади их волочить. Когда у тебя наручники сзади, ты сидишь на корточках и тащишь за собой эти сумки...».

«И я там встретил двух ребят из Бреста. Ребята ехали уже, по-моему, 6 или 7 дней. Они ехали из брестского СИЗО в Витебскую область. И все это время, так как у них был профилактический учет, они ехали в наручниках в поезде. Представляете, 6 дней в наручниках? Они реально, еле живые. Он даже практически встать сам не мог, лежал... Конвоир ему: „Давай, выходим!“. Он даже встать не мог. Я ему помогал встать».

После прибытия на конечную станцию все повторяется: выгрузка, автозак, тесные «стаканы». На территории колонии наручники, наконец, снимают, и это первый момент за долгое время, когда руки оказываются свободны.

Однако на этом процедуры не заканчиваются, следуют новые обыски: при выходе из автозака и при входе в колонию. Вещи снова разбирают полностью, часть из них изымают: то, что было разрешено в следственном изоляторе, в колонии может оказаться под запретом. Одежду, обувь, некоторые предметы отправляют на склад, продукты питания часто уничтожают.

Так заканчивается этап — длинный, изматывающий путь, после которого осужденный оказывается в исправительной колонии «Витьба-3».

«Но опять же новый стресс. Все новое. И самое главное — неизвестность. Ты не знаешь, что тебя через пять минут ждет, что с тобой будет. Кто зайдет, куда тебя поведет. Потому что ты сам себе не принадлежишь. Ты полностью находишься под контролем администрации».

Карантин

«...они как рыба, выброшенная на берег, смотрят по сторонам. Еще не видно, кто из них политический, кто не политический, люди разных возрастов, такие разные... А уже когда переодели, бирку пришили, уже понятно, желтый – значит, политический, это сто процентов».

Карантин — обязательный начальный этап для всех вновь прибывших — проходит в отдельном корпусе на краю территории, примыкающей к административному зданию. Формально карантин предназначен для адаптации и медицинской проверки, однако на практике он воспринимается заключенными как один из самых жестоких периодов пребывания в колонии.

Срок пребывания заключенных в карантине ИК-3 может варьироваться, но, как правило, он составляет от одной до нескольких недель. Например, один из заключенных вспоминает, что пробыл там больше двух недель. В условиях пандемии (в 2021–2022 годах) сроки пребывания в карантине увеличивались: некоторые заключенные находились в карантине до трех недель.

Заклученным выдают форму — робу из грубого синтетического материала, которую сами заключенные называют «стекляшкой» из-за постоянного раздражения кожи. По размеру эта одежда часто не подходит заключенным, ее качество низкое, а зимой она почти не защищает от холода. К робе пришиваются отличительные бирки, в том числе о принадлежности к профучету.

«Если она будет слишком большая... ну, как бы, другой нет, придется ходить в этой. Если же, наоборот, твоего размера там нет, могут дать на размер меньше. Ну, как бы, терпи. Вот у меня было так же. Моего размера не было, и мне приходилось ходить в обуви изначально, которая была размером где-то 46,5, наверное. И из-за чего были постоянно натирания ноги, мозоли...».

В карантине по правилам должны проводиться первичные медицинские процедуры: осмотр врачей, базовые обследования (например, кардиограмма); заключенных спрашивают о хронических заболеваниях и жалобах на здоровье. Однако, по рассказам заключенных, если такие осмотры и проводились в карантине, то очень формально и бегло. Даже необходимые для ежедневного применения лекарства в карантине изымались, получить их обратно удавалось лишь по прибытии в отряд, спустя три-четыре недели.

«И их сразу изъяли — таблетки. Я к ним доступа не имел. В карантине вообще нет доступа к медикаментам, я две недели просидел без таблеток. Это я потом уже, когда в отряд поднялся, дорогу проложил к старшей медсестре, чтобы получить эти таблетки. Тогда уже стал их получать».

Вторая функция карантина – приучить заключенного к условиям и правилам колонии.

«Карантин – это минимум две недели спец содержания, где перед распределением в отряды тебе рассказывают и показывают, как тут все работает. Проводят оперативные мероприятия, узнавая при этом подробно, кто ты, что ты, твои позиции, характер. Несколько мероприятий с сотрудниками проводят, допросов. Узнают о профессии, узнают твои возможности...».

По рассказам заключенных, почти сразу по прибытии с ними разговаривал оперативный сотрудник. Он задавал, на первый взгляд, простые вопросы: какие планы, как собираешься «сидеть», чем занимался раньше. Но за этой беседой чувствовалась попытка понять, насколько человек будет удобен системе. Вопросы могли звучать и провокационно. Например, оперативник мог спросить у заключенного, хочет ли он «оставить свой след в истории колонии».

Одним из первых механизмов давления, с которым сталкивались вновь прибывшие заключенные, становилось так называемое «анкетирование». Формально это выглядело как обычная процедура: людям раздавали бланки с вопросами, предполагающими простые ответы: «да» или «нет». Однако, соглашаясь с ними и подписывая документ, человек фактически подтверждал готовность к сотрудничеству с администрацией колонии.

«То есть, что ты будешь докладывать о каких-то происшествиях, о нарушениях режима ПВР⁶ и так далее. То есть, полное сотрудничество с администрацией. Я не знаю, для чего это надо, эти бумажки. Кто-то их подписывал, кто-то не подписывал. Но те ребята, кто отказывались подписывать, сразу же попадали в ШИЗО».

Режим в карантине строгий. Подъем – около 5:30 утра. На все утренние процедуры (умыться, одеться, заправить постель) отводятся считанные минуты, после чего следует построение и обязательная утренняя зарядка на улице, независимо от погоды. Даже зимой, в мороз или дождь, все должны выходить во двор – небольшой бетонный участок, огороженный высоким забором с колючей проволокой.

Свободного времени у заключенных в карантине практически не бывает.

«Если у тебя по расписанию свободное время, ты читаешь правила внутреннего распорядка, учишь должностных лиц колонии и все остальное. То есть, имеется какое-то время для того, чтобы попить чай или кофе, но его немного...».

Большую часть дня заключенные в «карантине» проводят в общей комнате. Там же они принимают пищу. Доступ к личным вещам сильно ограничен: «кишарку»⁷ открывают всего два раза в день на несколько минут, и далеко не все успевают туда попасть.

«... если тебе нужно взять туалетную бумагу, чай, кофе или бритвенный станок, ты можешь взять их только два раза в день по 10 минут на 30 человек... И заходить туда можно было только по два человека».

День проходит в постоянной занятости. Заключенных распределяют на работы: зимой это уборка снега, колка льда, очистка крыш; внутри помещений – бесконечная уборка, часто повторяющаяся без видимой необходимости. Даже если помещение уже было чистым, через короткое время заключенных заставляли мыть и убирать там снова. Для политических заключенных обычный режим пребывания в карантине усложняется – они постоянно должны были находиться на виду, на улице.

«На карантине очень строгий распорядок дня. Видимо, для того, чтобы больше какой-то жутки и страха нагнать на тех, кто только приехал. Поэтому, ребята политические, они с момента зарядки, подъема, после завтрака обязаны были находиться на улице».

[6] Правила внутреннего распорядка.

[7] Кишарка – тюремное (лагерное) жаргонное слово для обозначения места хранения личных вещей заключенных. Это небольшой склад или кладовая внутри отряда или карантина, куда складываются сумки с вещами.

«Они политических ставили драить на генеральные дежурства постоянно в этом карантине. Чтобы ты просто драил, драил бесконечно. То есть, получалось, что в полшестого ты идешь чистить снег. Притом шли только политические. И потом, с 8 утра, ты два раза по 2-3 часа делаешь генеральную уборку, а в 5 вечера снова идешь чистить снег».

Ночью полноценного отдыха тоже нет. После отбоя (около 22:00) заключенных несколько раз за ночь проверяют: заходят с фонариками, пересчитывают, иногда намеренно светят в глаза. Усталость от недосыпа накапливается очень быстро.

«Вот чего-чего, а сна не хватало. Ты ложишься, потом просто ба-бах — провал и: „Отряды, подъем!“ А тут надо быстренько подниматься, потому что буквально через пять минут уже зарядка. Зарядка внизу, надо со второго этажа спуститься вниз, причем это в любую погоду, в любое время года: мороз минус 30 или плюс 30... В 6 утра, тем не менее, все выходят на зарядку. Если ты опоздал, приходят контролеры проверять. Значит, будет рапорт. А рапорт — это нарушение».

Распределением работ занимается «завхоз» — заключенный, который сотрудничает с администрацией. От его отношения зависит многое: кому достанутся более тяжелые задания, кто будет дежурить чаще и так далее.

«Завхоз» карантина — это осужденный на большой срок. На данный момент завхозом карантина является Х., редкая мразь, которая поспособствовала ухудшению жизни многих людей. Он подчиняется лично начальнику оперативного отдела, Голубеву Сергею Александровичу, и по его запросу выполняет всякие грязные гадости».

При этом среди заключенных находятся и люди, выполняющие роль информаторов. Они сообщают обо всем, что происходит, завхозу и администрации колонии.

«Были, условно говоря, внедренные сотрудники, которые собирали [информацию]... Сидели, вроде, как со всеми на карантине, но никогда в дежурствах не участвовали, постоянно терлись и сливали информацию, услышанную в общем помещении, администрации».

«Хорошо „работал“ этот дневальный. Постоянно сдавал, если я что-то не то делал. Например, после этой проверки я снял робу и сел кушать холодную еду. У него была претензия, что я ее снял. Я сначала сказал, что не хотел испачкать, придумывал отмазки, не создавал конфликт. Но он продолжал настаивать и спрашивать, в чем причина. Я сказал, чтобы он успокоился: „Я теперь каждый раз буду есть без робы». Он: «Хорошо!». А после этого пошел докладывать кому надо. На следующий день он меня уже провоцировал, чтобы я в обед снял робу».

В карантине наказания следуют за малейшие нарушения или даже формальные поводы. Например, если уборку признают недостаточно качественной, всех могут на несколько часов, а иногда и на весь день, вывести на улицу.

В холодное время это означало многочасовое пребывание на морозе. Также распространенными поводами для наказания служили несоответствия в описи личных вещей (например, расхождения в количестве сигарет или конвертов) и расстегнутая верхняя пуговица на одежде. Подобные нарушения могли обернуться водворением в ШИЗО сразу по окончании карантина.

«Нам в качестве наказания за плохую уборку (плохая уборка это если кто-то где-то провел пальцем, нашел пыль) могли держать на улице по 8 часов. Март был еще не сильно теплый, были заморозки, холодно, мокро. Практически каждый день мы на улице проводили по 6-7 часов, а иногда и по 10».

«Он мне помог составить эту опись, которая оказалась неправильной, и из-за этого я поехал в ШИЗО на 10 суток. Было очевидно, что если бы не это нарушение, то мне бы приписали другие, потому что претензии ко мне начались с первых же дней — проверяли, как я убираю комнату, правильно ли делал те или иные вещи».

Бывшие заключенные рассказывают, что решения о наказаниях в отношении некоторых заключенных в карантине не зависели от их реального поведения. Несмотря на формальное распределение в отряд, туда они так и не попадали: сразу после карантина им вменялось несколько нарушений, после чего следовал перевод в ШИЗО или ПКТ, а затем уже на более строгий режим — в тюрьму.

«Я помню, что были люди, по которым был приказ сверху, они даже в отряд не поднимались, а с карантина уезжали в штрафной изолятор... Он был причислен к моему отряду, но даже не поднялся в отряд, его раскрутили, отправили на крытую».

Распределение заключенных по отрядам после карантина формально осуществляется через комиссию, состоящую из высшего офицерского состава — начальника колонии, заместителя начальника по режимно-оперативной работе, начальника медицинской части, психологов. С одной стороны, учитывались профессиональные навыки. Например, заключенных, имевших опыт работы в определенных сферах, таких как мебельное производство или деревообработка, могли направлять в соответствующие отряды. В то же время, из-за нехватки специалистов распределение по отрядам могло иметь спонтанный характер.

«В карантине со мной был хлопец один. Он раньше работал на мебельной фабрике. И он, видимо, это указал. К нему пришли и забрали его в экспериментальный цех».

[8] По правилам внутреннего распорядка заключенный попадает в ШИЗО после четырех нарушений, но политических могли туда отправить уже после первого нарушения.

«Начальник колонии на тот момент, Старовойтов Алексей Михайлович, ныне уже покойный, спросил, что я сделал. Я ему ответил. Он сказал: „Ну, возможно, хватит прыгать, как Ленин на баррикады. Нужно спокойно отбыть свой срок и идти домой к семье“. Я говорю: „Да, полностью поддерживаю“. И мне сказали: „Тогда отряд номер 5, цех деревообработки, свободен“».

С другой стороны, свидетели указывают на роль личного отношения администрации к конкретному заключенному, когда формальное рассмотрение его распределения в отряд превращалось в демонстративное давление и унижение.

«... [на распределении] был начальник колонии. Я зашел, представился. Он на меня начал орать. Что я фашист, в коричневой рубашке, что он бы меня расстрелял, но я пойду в седьмой отряд на деревообработку и сдохну у него на работе».

БЫТ В КОЛОНИИ

«У тебя подъем в шесть, в восемь проверка, и ты заряжаешься на промзону. В шесть уже проверка, и, вроде, свободное время, но ты политзаключенный, у тебя профучет, и в восемь часов у тебя очередная проверка. А в десять уже отбой. Поэтому времени особо свободного и не было».

Из показаний бывшего заключенного

Распорядок жизни заключенного зависит от графика его работы. Когда человек работает в первую смену, подъем назначается на 6:00, а отбой — на 22:00. При переходе на вторую смену распорядок сдвигается на час: подъем в 7:00, отход ко сну в 23:00. Рабочий день в первую смену длится с 8:00 до 17:00. Вторая смена начинается в интервале между 17:00 и 18:00 и завершается к моменту отбоя. В соответствии с этими циклами корректируется и время проведения остальных режимных мероприятий.

Политические заключенные, состоящие на профилактическом учете, помимо общих утренней и вечерней проверок обязаны трижды в день дополнительно выходить в локальный участок — во двор барака. Это происходит в 10:00, 16:00 и 20:00: по громкой связи объявляют сбор, все «профучетники» выстраиваются на улице и ждут, пока дежурный обойдет их по списку.

При работе в первую смену (с 8:00 до 17:00) свободного времени практически не оставалось: с учетом приемов пищи, проверок и ожидания дополнительной проверки профучета реальное личное время сокращалось до 30-40 минут перед отбоем. Сотрудники колонии дополнительно заполняли эти промежутки обязательными «воспитательными мероприятиями» — просмотром фильмов в клубе, лекциями, собраниями.

«Специально сделан график так, чтобы не давать больших промежутков времени... Свободные отрезки, нарезанные по 20-30 минут, — всегда могут придумать какое-нибудь мероприятие».

По рассказам бывших заключенных, в ИК-3 содержались заключенные из разных стран — граждане России, Китая, Нигерии, Сирии, Узбекистана, Таджикистана и Литвы, многие из которых не понимали русского языка. Несмотря на это, все режимные требования, включая обязательный устный доклад при построении, должны предъявляться исключительно на русском языке, независимо от того, понимает ли человек хоть слово.

«Люди просто садились, ему диктовали, он писал на своем китайском и учил [текст доклада]. То есть, вообще даже не понимает, что он учит. Учит просто набор звуков, который ему обязательно надо сказать начальнику колонии».

Просмотр государственного телевидения обязателен. После ужина в так называемой «ленинской комнате» сотрудники колонии включали белорусские государственные каналы, и заключенные должны сидеть и смотреть новости. По выходным также обязательным было посещение клуба для просмотра «патриотических» фильмов — советских военных картин и пропагандистских материалов. Помимо телевидения, с политическими заключенными регулярно проводились индивидуальные беседы замполита и оперативных сотрудников с одной темой: осознали ли они свою «ошибку» и готовы ли признать ее.

«В выходные с 9 до 11 надо было находиться в ленкомнате и смотреть так называемый ПВР-ТВ. Показывали фильмы про войну и о том, какие молодцы советские солдаты... По-моему, это только злило людей постоянно».

Проверки со стороны различных надзорных органов (Департамента исполнения наказаний, прокуратуры, облисполкома, общественных наблюдательных комиссий) проводились регулярно. Однако их результативность как механизма контроля была нулевой: накануне каждой проверки начальник отряда собирал заключенных и целенаправленно инструктировал их молчать во время проверок. Поднять жалобу перед проверяющими означало гарантированно обречь себя на ШИЗО и лишиться любых перспектив на смягчение наказания. Также любые письма в государственные органы, в том числе с жалобами, отправлялись через специальный отдел, который решал уйдет ли твое письмо из колонии или нет.

На территории ИК-3 располагается православная церковь, однако заключенным других конфессий доступ к религиозной практике фактически закрыт. Католики не допускаются к молебнам, их письменные заявления с просьбой организовать богослужения остались без ответа, просьбы пригласить католического священника отклонялись под различными предлогами. При этом администрация колонии, по имеющимся свидетельствам, целенаправленно использовала православного священника для давления на верующих других конфессий с целью их перехода в православие. Католики были вынуждены организовывать молитвы самостоятельно, договариваясь с отдельными сотрудниками в праздничные дни.

В июне 2023 года начальником ИК-3 был назначен Стурченко. С его приходом условия содержания политических заключенных заметно ухудшились, участились внеплановые проверки. По всему учреждению была установлена система видеонаблюдения, включая жилые бараки, что лишило заключенных последних возможностей для неконтролируемого отдыха или простого уединения.

«Накануне он собирал нас и говорил: „Завтра ни одна сука по территории не ходит. Ежели захотят с вами пообщаться — у вас ни у кого вопросов нет, у вас все хорошо. Ежели какая-то сука задаст вопрос — с ШИЗО до Пасхи не выйдете“».

Торжественное открытие нового спортивного комплекса в ИК-3.
Источник: vitbichi.by

«У нас была конкретная дискриминация — дискриминировали по признаку нашей веры. Приходил православный священник и пытался наставить на путь истинный, сделать из нас православных. Было там два случая, когда католики перешли в православие».

«Начались ужесточения по поводу режима, более частые проверки политзаключенных. Потом было выбито финансирование на установку видеокамер везде, где только можно, в том числе в бараках. Жизнь стала намного сложнее».

На 90-120 человек приходится 5-12 раковин и 5-7 туалетных мест без перегородок или с перегородками высотой около метра. Утром и вечером у туалетов выстраиваются очереди — особенно острой проблема доступа к унитазу была для пожилых заключенных и людей с заболеваниями. Те, кто не мог дождаться, мочились прямо в очереди, случаи недержания были обычным явлением. Единственным способом избежать очереди был подъем в 5:00–5:30 утра вместо официального подъема в 6:00.

«Я видел много людей, которые просто в очереди, было недержание, брал тряпку и замывал за собой эту мочу. Ну, это физиология людей».

Полноценное мытье разрешается раз в неделю — человеку предоставляется 15-20 минут помыться и постирать свою одежду. В остальные дни доступна была только холодная вода из-под крана. Мытье из тазика или обливание водой по пояс формально является нарушением режима и карается направлением в ШИЗО. Тем не менее, люди шли на это нарушение — особенно летом, при температуре воздуха свыше 30 градусов, после физической работы или занятий спортом.

«Мытье было запрещено полностью... Если тебя „спалили“ — ты ехал сразу в ШИЗО, без вопросов. Особенно после спортплощадки, если не мыться, иной раз в спальню было заходить сложновато».

В рабочих цехах были оборудованы душевые, и возможность помыться после смены считалась одной из немногих привилегий работы на промзоне. Те, кто не ходил на производство — пенсионеры, освобожденные от работы по состоянию здоровья — могли мыться только раз в неделю. Однако душ в цехах был доступен лишь номинально: на десятки человек приходились две-три кабинки, очередь была огромной, и на мытье отводилось не более двух-трех минут. У некоторых заключенных после душа появлялись проблемы с кожей из-за качества воды в трубах промзоны.

«Душ рассчитан на двух человек. Хотя в цеху одновременно человек 50 находилось. Если всем помыться, это нужно проходить квест».

«После приема душа, я помню, они были на груди, на спине — огромные волдыри, которые со временем уменьшились. А ночью, когда я спал, они снова образовывались. Жутко чесались и болели».

Питание в колонии трехразовое, однако его качество и калорийность, по рассказам заключенных, были неудовлетворительными.

«Вкусовые качества не поддаются описанию, потому что это просто корм. Это не блюдо, а корм».

«Однообразная, однотипная еда, плохо приготовленная и мало питательных веществ. По качеству — да, чуть лучше, чем на СИЗО, но, тем не менее, все равно ужасно. Я сейчас вспоминаю.. На самом деле нельзя так людей кормить».

На завтрак давали жидкую кашу на воде, чаще всего овсянку, перловку или так называемую «сечку» (низкосортную клейкую массу из дробленого зерна), а также чрезмерно сладкий чай. Обед состоял из водянистого супа без мяса, а также каши или картофельного пюре. Корнеплоды нередко подавали гнилыми или перемороженными. Ужин часто повторял завтрак.

«Борщ из гнилых бураков — это блюдо тоже. Прямо у тебя в тарелке плавают черные бураки с черной картошкой.. Самая чистая и лучшая еда — это рисовая каша, овсяная и перловая, потому что в них ничего не добавляли».

В меню официально значилось мясо, однако на практике оно встречалось в виде отдельных волокон или хрящей. Рыбные котлеты делались из плохо перемолотой рыбы вместе с костями, а пельмени были набиты костной мукой. Свежие овощи и фрукты в обычные дни отсутствовали полностью, молочные продукты в рационе не предусматривались.

Из-за качества еды заключенные теряли довольно много веса, у них начинались проблемы с зубами и пищеварительной системой.

«А это вот что-то такое непонятное, с чего-то набитое. Форма котлеты.. ну, вот и по виду, вроде, котлета, но когда ты ее ешь, там неизвестно, с чего она сделана. Поэтому иногда я эти котлеты тоже не мог себя заставить есть».

«На момент, когда я садился, весил 100 килограммов, а вышел 78 или 70 с копейками.. Там могли и камни попадаться. Много случаев было, когда кто-то ел и кусок зуба отваливался».

«И особенно нам нравились колючие котлеты, мы их называли „ежики“. Это рыбная котлета, которая просто сделана из перемолотой рыбы, плохо перемолотой рыбы. И кости просто впиваются тебе в небо, в язык».

«По сути, это физиологическое уничтожение. Оказывается, это нужно для того, чтобы человек не мог совершить побег. И действительно, там через 2-3 недели такого питания вы ходите, и ботинки, которые вам выдали, они как гири, настолько тяжелыми ощущаются. Я как-то, помню, даже поймал себя на мысли, что я еле передвигаю ноги».

«Норма на человека должна быть такова, чтобы обеспечивать его функционирование. Сдохнуть не дадут. Но то, что потеряешь последнее здоровье с теми условиями труда и при той кормежке, которая там есть, если у тебя нет поддержки со свободы, со стороны родственников, то это точно».

Заклученные могли отовариваться в магазине колонии не чаще двух раз в месяц, в пределах лимита от 2 до 6 базовых величин (это примерно 60-205 беларусских рублей), даже если на счету было гораздо больше средств. Политические заключенные, состоявшие на профучете, были ограничены нижней планкой. Если заключенный получал три дисциплинарных взыскания и признавался «злостным нарушителем», лимит также снижался до 2 базовых величин, на которые можно было купить разве что лук, леденцы или пачку чая.

*«На счету деньги есть, а ты их тратить не можешь...
Две базовых — это вообще ничто. Ты не мог купить
себе ничего за эти деньги».*

Для многих единственным источником нормального питания были продуктовые посылки от родственников и взаимная поддержка продуктами между заключенными — так называемое «семейничество». Те, у кого не было родных на воле или поддержки со стороны других заключенных, оказывались в особенно уязвимом положении.

*«Я не понимал, как выживают люди, у которых нет
поддержки с воли. Физически это просто убивает
свое здоровье. Еда абсолютно пустая... Реально, чтоб
просто не загнуться».*

*«Если у тебя нет родственников и нет
солидарности — там очень тяжело выжить».*

Корреспонденция, посылки, отоварка, свидания, звонки, адвокаты

По рассказам бывших политзаключенных, переписка у них была жестко ограничена. Официально им разрешалось общаться только с близкими родственниками, вписанными в личное дело, причем для включения человека в этот список требовалось предоставить копии документов, подтверждающих родство. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры, как правило, в этот список не попадали. Письма от друзей, коллег и незнакомых людей, писавших слова поддержки, до адресатов не доходили, а просто исчезали. После февраля 2022 года у большинства политических заключенных поток писем резко сократился. Им также было запрещено оформлять подписку на газеты и журналы.

Все письма проходили через цензора. Цензор мог, не стесняясь, пересказывать содержание письма при выдаче. Часть писем просто не отдавалась без каких-либо объяснений, конфисковывались и многие исходящие письма — некоторые заключенные узнавали после выхода на свободу, что их письма с важными новостями так и не дошли до родных. Политзаключенные сталкивались с еще более серьезными ограничениями, многим из них право на переписку было практически полностью урезано.

«Я в лагере сидел без права переписки. Я ему доводил, что в моем приговоре нет штампа „без права переписки“, почему я не получаю писем. На что он ответил — от жены получаешь, тебе и хватит, а будешь задавать вопросы, поедешь в ШИЗО».

«Письма, которые пишешь, их абсолютно [точно] просматривают. Что-то могут просто не отдать. Цензор, даже не стесняясь, мог спрашивать: а что там, тебе жена написала то-то и то-то».

Письма на иностранных языках не пропускались, связь с консульствами для иностранных граждан была фактически заблокирована.

«Китаец пытался связаться, но ему не дали. Он отправлял письма из СИЗО, из колонии в консульство, но их не пропускали, потому что они на китайском. Мол, пиши на русском. Китайцу писать в китайское консульство на русском!».

«...россияне некоторые пытались связаться с консулом, но ответы не получали. Были очень шокированы, что России наплевать на своих граждан. у них немножко мир менялся, мировоззрение в этом плане».

Телефонные звонки для политических заключенных не были плановыми — их давал оперативный сотрудник по своему усмотрению. Заключенный и его родственники не знали заранее, когда состоится звонок, и никак не могли к нему подготовиться. Продолжительность разговора составляла от 5 до 15 минут, включая время на дозвон. Все звонки прослушивались: оперативник мог в любой момент подключиться к аппарату, а после звонка вызвать заключенного на беседу с вопросами о содержании разговора. Если сказанное не нравилось, звонок могли оборвать, а заключенного отправить в ШИЗО. Возможность видеозвонков для политзаключенных регулярно ограничивались.

«Захотели – дали, захотели – нет. Абсолютно все твои звонки слушают. После звонка тебя могли вызвать и спрашивать: вот ты там говорил то, а тебе говорили то, мы смотрели».

«И точно так же с длительными свиданиями: у нас не было длительных свиданий, не давали скайпа. Первое длительное свидание первый политзаключенный получил почти спустя год, как в колонию прибыл».

«До того момента я уже полтора года не видел родных. Опер сказал: из-за твоих жалоб у меня добавилось работы. Видеозвонок и свидание ты получишь последним из всех политических, и то если получишь».

«Единственное, что был случай, когда один из политзаключенных, после свидания со своей женой его позвал оперативный сотрудник и сказал: „Все то, что себе жена рассказывала, ты, пожалуйста, в колонии не рассказывай, иначе у тебя начнутся проблемы“. То есть, прослушка там сто процентов есть».

«Конвоир говорит: если ты пойдешь в туалет, то ты больше не вернешься. Это значит, что свидание закончено. И так людей уводили и не приводили обратно. Вместо общения с родными я сражался с желанием сходить в туалет».

Свидания с родственниками были еще одним инструментом давления на политических заключенных. Длительные свидания от одних до трех суток для политических поначалу не давались вовсе. Для получения разрешения требовалось лично идти на беседу к заместителю начальника по режимно-оперативной работе. По свидетельствам, в ряде случаев длительные свидания фактически выдавались только в обмен на лояльность к администрации или через неформальные договоренности с завхозом. Долгосрочные свидания проводились в отдельном здании, в котором располагались 11 комнат для проживания с гостями. Вероятно, в комнатах осуществлялась прослушка.

Краткосрочные свидания иногда давались раз в четыре месяца. Выйти в туалет во время такого свидания было нельзя: уход означал его автоматическое прекращение. Также с приходом к руководству Струченко, сотрудники колонии перестали подписывать заявления на краткосрочные свидания с лицами, не являющимися прямыми родственниками, в том числе в случаях, когда несовершеннолетний ребенок приезжал в сопровождении матери, формально не состоявшей в браке с заключенным.

Политические заключенные в ИК-3 сталкивались с систематическим воспрепятствованием встречам с адвокатами. Даже когда заключенный заблаговременно подавал заявление о предстоящем визите, и администрация его подписывала, по неизвестным причинам адвокату все равно могло быть произвольно отказано во встрече с клиентом.

«К коллеге по профучету приезжал адвокат, наверное, четыре раза. На четвертый раз он только попал к нему. Три раза адвокату был ответ, что человек находится на производственной зоне и его не могут вызвать на беседу. Хотя этот заключенный желтобирочный предварительно писал заявление о том, что придет адвокат к нему. Заявление было подписано. Мол, не возражают».

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ

«За три года нахождения в колонии, работая каждый месяц, я заработал 49 копеек. Это легализованное рабство».

Из показаний бывшего заключенного

Выходить работать на промзону должны примерно 600-650 заключенных, но реальная работа была едва ли у сотни из них — остальные вынуждены создавать видимость работы, чтобы не получить наказание.

На промзоне ИК-3 работают три основных цеха: деревообработки, разборки металла и швейный. Распределение по цехам для политических заключенных не было случайным: их намеренно направляют на наиболее тяжелые и вредные производства. Цех разборки металла считается самым худшим местом и служит инструментом наказания — туда переводят «неугодных» или тех, кто осмеливается жаловаться. Один из свидетелей был переведен со швейного производства на разборку металла на следующий же день после того, как его жена передала ему привет через радиопрограмму.

Цех разборки металла располагается в старой котельной без окон и отопления — зимой температура внутри не отличается от уличной. Заключенные вручную разбирают старые кабели, извлекая медь, алюминий и свинец.

«Из трехсот человек, которые пришли в этот цех, работают 15-20, а остальные по 12 часов просто болтаются туда-сюда. Зимой там холодно, очень холодно. Вы не можете присесть, нельзя ни поесть, ни поспать. Это страшно угнетает. У людей открываются болезни».

«На металлообработку направляли самых неугодных, потому что самое вредное производство. Основная часть желтых политзаключенных работала там».

«Политических в основном отправляют на разборку металла. На самую сложную физически и вредную работу всегда отправляли политических. Те, кто белобирочные, туда просто не шли».

«Все грязное. Пыль вперемешку с солидолом. Испарения от пластиковой оплетки — она нагревается, начинает вонять. Металлическая пыль, пластиковая пыль в воздухе. Постоянно болела спина из-за того, что надо провода вытягивать, расплетать, распутывать. Я себя ассоциировал со скотом: должен это делать, иначе будет плохо».

«А на разборке металла самое страшное было — вот эта металлическая пропиленовая взвесь, которая летала в воздухе. И я в какой-то момент понял, что я просто не могу выздороветь. То есть, я постоянно болею, постоянно кашляю, постоянно какая-то грязь и чернь отхаркивается, в носу непонятно что. Плюс, еще медная взвесь в воздухе висит, все это дерет горло потом. Ну, у меня еще достаточно слабые бронхи с детства, поэтому они воспалялись там просто постоянно».

Для ускорения работы администрация практиковала сжигание проводов в металлических ваннах прямо на территории промзоны. Горел солидол и пластиковая оплетка, черный дым шел на жилую зону и в производственные помещения, где продолжали работать заключенные. Когда приезжали проверяющие, ямы с ваннами наспех засыпали, после отъезда комиссии — откапывали снова.

«Там реально дым стоит коромыслом. Зимой снег на колонии лежит черными хлопьями, пепел с неба вместо снега падает. Никаких средств защиты. Х. не выдержал, взял огнетушитель и потушил эти костры. Потому что невозможно было внутри находиться в помещении. После этого он провел почти три месяца в ШИЗО».

Нормы выработки устанавливаются произвольно и нередко физически невыполнимы. При этом они постоянно увеличиваются. За невыполнение норм людей наказывали разными методами, в том числе отправлением в ШИЗО.

«Бывали дни, когда дают 5 кг кабеля и говорят: „Из него надо добыть 10 килограммов цветного металла“. Когда откинешь изоляцию, в пяти килограммах будет только два килограмма металла. И ты норму никогда не сделаешь».

«Нужно было просто загрузить невероятное количество в размере 17 тонн вот этих вот кабелей, нужно было загрузить до обеда. То есть с 8 утра и до 2 часов дня, когда у нас начинается обед, нужно было все это сделать. И если это не будет сделано, то ребятам не дадут на промзоне помыться».

Цех деревообработки представляет собой огромный неотапливаемый ангар, насквозь продуваемый, с постоянно открытыми воротами для погрузки. Из отопления — одна печка-буржуйка, которую впоследствии демонтировали по предписанию проверяющих как не соответствующую нормам, из-за чего в цеху стало еще холоднее. Политические заключенные, как правило, не допускались до станков и работали разнорабочими: носили бревна, перекладывали доски, убирали опилки.

«Очень холодно было. В цеху может лежать снег, иней, минусовая температура может быть в цеху. Негде присесть особо. Тоже, кстати, на промке нет еды, нельзя туда ничего брать. Можно попробовать пронести, но за это могут написать нарушение. По условиям там самые ужасные условия, надо ходить чтобы согреться, очень холодно. Надо что-то есть, еды нет. Ужасно, пыльно, шумно».

Швейный цех теплее и считается лучшим местом, особенно зимой. Здесь шьют тряпки для швабр, рабочую одежду, а с началом войны в Украине — военную форму и рюкзаки для российской армии. Один из заключенных отказался шить военную форму и получил за это десять суток ШИЗО. Воздух в цехе насыщен микрофибровой пылью, из-за чего заключенные испытывают проблемы с дыханием.

«Нереальное просто количество пыли. Когда светило солнце, у нас было как будто накурено в помещении — когда вся эта пыль в воздухе. Людям с проблемами с дыхательными путями просто нереально находиться. Ими пользовались 90% всех, кто был на этом швейном производстве — просто потому, что нос забивается настолько, что не может дышать. Естественно, ты сморкаешься после и в зависимости от такого цвета пряжки шьются, такого цвета у тебя сопли».

Работать в цехах администрация колонии заставляла даже тех людей, которые, очевидно, имели серьезные противопоказания по здоровью.

Заклученных распределяли по цехам вне зависимости от их квалификаций.

Инструменты на производстве самодельные: молотки, сваренные из обрезков труб; ножи из металлических пластин, стянутых болтами с деревянными брусками. Болты впиваются в ладони, рукоятки неудобные, лезвия — тупые.

Производственные травмы случаются регулярно: на людей падают бревна, на пилах отрезаются пальцы. Пострадавших под угрозой ШИЗО заставляют писать объяснительные о том, что травма получена по собственной халатности, а не на производстве. Протоколы о производственных травмах никогда не составляются.

«Издевались надо мной очень сильно. То есть были дни, когда меня просто Х. нес на плечах на себе. Как раненых, знаете? На промзоне в цеху меня клали на мешки. И на этих мешках я лежал. Когда офицеры дежурные приходили на построение, били по этому мешку, проверяли, жив я или не жив. Если я подавал признаки жизни — живой, хорошо, ставили галочку».

*«Завхоз интересовался, что я умею. Я сказал, что полжизни проработал массажистом, умею управлять персоналом, потому что были определенные способности и навыки. Он сказал: „Ну понятно, значит, них*я не умеешь, пойдешь на деревообработку“».*

«Условия были никакие, отвратительные. Если приезжает какая-то проверка в колонию, то все станки, которые находились внутри этого цеха, на них вешалась табличка „не работает“ либо „на ремонте“. То есть оборудование было настолько старым, что, на самом деле, его выбрасывать нужно было. Но его продолжали эксплуатировать».

«Инструмент при этом самый примитивный, зачастую он очень тупой, и большинство ребят любыми подручными средствами где-то лезвие могли какое-то раздобыть. Кто-то какими-то молотками или гвоздями пытались себе облегчить труд и разбирать эти кабеля. Кто-то вообще голыми руками пытался их рвать».

«Очень часто люди травмировались, когда рвали эти провода. Кто руки травмировал, кто в глаз другому попадал, потому что скученность».

«Людей заставляли писать бумагу о том, что они сами отрезали себе пальцы по собственной халатности, а не потому, что пила без кожуха. Оперативный сотрудник говорил: „Пишешь вот так. Либо едешь сейчас в штрафной изолятор“».

«Знаю случай, когда человек себе раздробил ступню бревном. И его заставляли писать бумагу о том, что это его преступная халатность, а не потому, что подкладки, на которые он укладывал бревно, не были оборудованы упорами. И оно просто соскользнуло».

«Один раз на меня упало бревно, когда я его нес. Мне достаточно неплохо ударило. Я поскользнулся, ударило по бедру, и была обширная гематома. Было тяжело ходить, приседать, садиться и вообще что-либо делать. И мне тогда дали больничный почти на неделю. С условием, что я скажу, если вдруг что, что бревно на меня не падало, это я на лестнице поскользнулся, упал, но не на территории промзоны».

«Это работа очень пыльная, часто стекловата там в воздухе летает. Вечером, когда носоглотку свою чистил, понимал, что она, по сути, и является респиратором, который очевидно, что в этих вредных условиях должны были дать. Очевидно, должны были дать защиту для глаз. Руки просто гнили поколотые. Тем более, грязная такая работа. Перчатки разовые должны были дать, ножи, солидол и все остальное. Ничего этого не давали».

«Это опять отряд строится, идет на промку, доходит до КП-2 в нашем случае, там это через шмон становится заградотряд с этих контролеров, ну и шмонают, чтобы ты ничего на промку свою не нес: ни кипяильника, ни кружки, ни чай».

«Там, допустим, идет капитальный ремонт дороги, ее разбирают — кирпичные или цементные строения, асфальт. Была такая телега, чтобы запрягать лошадь. И в эту телегу фактически запрягались заключенные, и на ней перевозили грузы, хотя есть строительные бригады, хозбригады, которые этими работами занимаются».

«Первые две зимы — это просто пипец был. Один день было минус 27, мы не вышли на работу. А так и в 21, и в 23 мороза выходили. Зимой еще бесконечная чистка снега. Из политических делали специально отдельные бригады. Политические чистят снег».

«Мог привлекать к работам, вообще не связанным с этим цехом, либо к работам, которые предусматривают наличие каких-то специальных разрешений либо защитных средств. Например, уборка снега зимой на территории, не относящейся к деревообрабатывающему цеху, несколько раз было такое. Мы отказались делать не предусмотренную работу. Он пришел с угрозами. Угрозы там обычно стандартные — это штрафной изолятор».

Перчатки выдавали раз в месяц, защитных очков и респираторов не было никогда. Руки у всех были постоянно порезаны.

Перед входом в промзону все заключенные подвергались обыску — даже во время холодов людям запрещали проносить личные вещи, которые могли бы помочь в обогреве.

Помимо основной работы в цехах, заключенных регулярно привлекали к дополнительному принудительному труду, не предусмотренному их формальными обязанностями. Наиболее распространенной формой такой работы была уборка снега на территории колонии. Отказ грозил нарушением, за которым следовало ШИЗО. Заключенных также заставляли перевозить тяжелые грузы на тележках, вручную тащить строительный мусор и выполнять другие работы на объектах, никак не связанных с их цехом. Все это происходило как в рабочее время, так и после его окончания, без какой-либо дополнительной оплаты.

Кроме того, заключенных, состоявших на профилактическом учете, дополнительно выводили на промзону в дни, когда их отряд работал во вторую смену. С 1.00 утра до 13:00 они были обязаны подметать и выполнять подсобные работы. Это преподносилось как «воспитательная мера», однако по существу являлось внеурочным принудительным трудом без какой-либо компенсации.

«Лица, состоящие на профилактическом учете, должны были идти на промышленную зону. Там подметать где-то, что-то еще делать. Это как воспитательный дополнительный момент, дополнительная работа для людей на профилактическом учете. Желтая или красная бирка».

Дополнительно заключенные были обязаны нести дежурства на территории отряда. Мыли полы в коридорах, на лестницах, в умывальниках и душевых, дежурили в столовой и на раздаче. Одновременно дежурило около шести человек, каждое дежурство занимало порядка двух часов. Для новоприбывших дежурства назначались практически ежедневно.

«Сразу приезжаешь, ставят каждый день где-то дежурить. Кто там где-то залетел, он будет дежурить каждый день — не ответил, как зовут начальника колонии этому отряднику».

Также на зоне раз в неделю проходили генеральные уборки — как правило, по воскресеньям во время, которое формально предусмотрено как свободное.

«Ввели генеральную уборку, или как это назвать, когда у всех полностью распределяют, кто в каких комнатах убирается, кто на улице подметает и, по-моему, это было воскресенье. С утра нужно было убираться. Кого где поставят».

Заработная плата за полноценный рабочий день или месяц исчислялась копейками. По справкам, которые удалось сохранить нескольким свидетелям, это могло быть: 11 копеек за месяц, 25 копеек, 1 рубль 2 копейки, 78 копеек за все время пребывания в колонии. Один из свидетелей за три года работы заработал 49 копеек суммарно. При этом по документам колония начисляла заключенным 150-200 рублей в месяц, однако указывалось, что вся сумма уходит на «содержание» — питание и коммунальные услуги. На личный счет не поступало ничего или поступали те самые копейки.

«Администрация в накладных указывает, что все деньги идут на содержание заключенных. Еще шутили контролеры, что денежное довольствие их сторожевой собаки в 8 раз больше, чем у заключенного».

По белорусскому законодательству, заключенные имеют право на двухнедельный отпуск от работы на промзоне — возможность провести время на бараке. Это особенно ценилось зимой. Однако политическим заключенным в этом праве отказывали без каких-либо объяснений.

«Мне за все время, полтора года я отработал на промке, не дали отпуска. Я писал заявление на отпуск, мне сказали, что в отпуске отказано без объяснения причин. На моем заявлении простым карандашом написано „в отпуске отказано“. Это заявление было изъято у меня потом».

Поборы с заключенных и неформальные платежи

Помимо официального удержания заработка на «содержание», в ИК-3 существует система неформальных поборов. Особенно уязвимы к ней пенсионеры: у них, в отличие от большинства заключенных, на лицевых счетах имеются реальные деньги, так как пенсия продолжает им поступать даже в заключении. Администрация пользуется этим, под различными предлогами вынуждая пожилых заключенных писать заявления о «добровольном» удержании денег. Поводы находятся самые разные: ремонт холодильника, покупка краски, новые обои. Суммы собирают со всего отряда, где пенсионеров могло быть несколько десятков человек. Отказ грозит негативными последствиями на комиссиях по условно-досрочному освобождению.

«Холодильник сломался, на ремонт холодильника со всех пенсионеров по 50 долларов. В отряде 34 пенсионера. Пенсионеры — это люди, которые имеют реальные деньги, поскольку им пенсия перечисляется на лицевые счета».

«Доят и доят от комиссии до комиссии, а эта комиссия раз в полгода: давай, давай, и на это дай, и на это, и на ремонт, и на краски, и на обои, и на все подряд».

Многие права заключенных, гарантированные законодательством, также становятся предметом торга. Например, чтобы попасть в очередь на свидание, заключенный должен был передать деньги или вещи ответственному лицу.

«Соответственно, если ты хочешь получить длительное свидание, ты должен скинуть денежку на нужды отряда. То есть как скинуть денежку — позвонить родственникам, сказать: „Переведи деньги тому-то тому-то, на то-то и то-то“. Или: „Пришли, пожалуйста, сюда в колонию с помощью посылки какие-то вещи, еду, то-се, пятое-десятое“. Тогда он тебя поставит в очередь на длительное свидание. Других вариантов не было».

Также существовала возможность за взятки завхозам получить менее тяжелую и опасную работу.

«В общем, я заплатил 700 белорусских рублей. Звоню жене, говорю: “ Жена, надо перевести такому-то». Его родственнику перевели деньги. То есть так это все организовано. Да, не буду скрывать: я за взятку стал парикмахером».

НЕФОРМАЛЬНАЯ ТЮРЕМНАЯ ИЕРАРХИЯ

«Неприятный вывод — эти сидельцы больше работают, чем та же администрация.

Именно в идеологическом плане, и естественно, в физическом.

Можно сделать вывод, что эти колонии держатся на таких шестерках, а не на работе администрации».

Из показаний бывшего заключенного

«Витьба-3», подобно другим исправительным колониям пенитенциарной системы Беларуси, функционирует как «красная» зона, в которой вся власть принадлежит администрации. Некоторые заключенные определяют ее как строго «режимную»⁹ колонию, в которой отсутствуют обычные тюремные «понятия» и превалирует точное исполнение Правил внутреннего распорядка.

«Витьба — это именно режимная колония. Там в плане ПВР и всего остального очень строго. Поэтому там очень сложно. Максимум ограничений, минимум какой-то свободы действий».

Тем не менее, наряду с формальной системой управления, в колонии «Витьба-3» функционирует устойчивая неформальная иерархия среди заключенных, которая типична для всех пенитенциарных учреждений Беларуси¹⁰.

Как утверждают заключенные, высшая каста «блатных»¹¹ в этой колонии, как таковая, отсутствует, но их роли и функции фактически перешли к другим заключенным, действующим под контролем администрации.

«Если говорить о каких-то там блатных, там этого нет. Есть те, кто в это играет, но это ничего из себя не представляет. Просто такая блатная романтика у некоторых в голове сидит. Но эти люди из себя ничего не представляют в плане какой-то угрозы для других».

Ключевую роль в этой системе играют так называемые «активисты» — заключенные, находящиеся в тесном взаимодействии с администрацией. К ним относятся дневальные, завхозы и другие «ответственные» лица, которые формально выполняют хозяйственные или организационные функции, но на практике также осуществляют контроль за поведением других осужденных. Через таких заключенных администрация получает возможность косвенного управления внутренней средой. Значительная часть дисциплинарной практики реализуется именно их руками: они наблюдают, докладывают, инициируют проверки. Это позволяет поддерживать постоянное давление на заключенных без прямого участия сотрудников.

Заключенные, выполняющие функции «актива», зачастую остаются в карантине или в отдельных зонах на весь срок отбывания наказания. Так, например, многие бывшие заключенные описывали роль в неформальной иерархии завхоза карантина Х., отбывающего долгий срок в этой колонии.

«[имя фамилия]. Это один из людей, который подписал официальный договор на сотрудничество с администрацией колонии. Собственно, поэтому он и стал завхозом карантина. У завхозов гораздо больше преференций и гораздо лучшие условия».

[9] Осужденные содержатся в условиях строго регламентированного режима, определяемого судом.

[10] Подробнее о неформальной иерархии в местах лишения свободы Беларуси см. «Пытки и жестокое обращение в исправительной колонии № 17 Шклова. Общественное расследование». Стр. 26-29: <https://torturesbelarus2020.org/ru/pytki-i-zhestokoe-obra%20d1%8genie-v-ispravitelnoj-kolonii-%e2%84%96-17-g-shklova/>.

[11] «Блатные» – заключенные, обладающие высоким статусом в неформальной тюремной иерархии.

«Эта должность [дневальный] штатная в колонии. Они за это получают зарплату. Двадцать рублей, вроде, на тот момент дневальный получал. Они следят за распорядком дня, водили людей в столовую, в баню, еще куда-то. Был тот, кто отвечает за комнату хранения вещей. И завхоз, который следил за общим порядком в бараке, распределял спальные места, стирки. Они обеспечивали жизнедеятельность отряда».

Положение в этой иерархии напрямую влияет на условия жизни. Заключение, включенные в «актив», как правило, получают определенные привилегии — более легкую работу, меньшую нагрузку, доступ к дополнительным ресурсам или более лояльное отношение со стороны администрации.

«Вот такие условия были в содержании для ссученых, если уже говорить по ГУЛАГовским, солженицынским меркам — для них было все. Они могли ходить в душ и принимать его каждый день, и они это делали. Они могли ходить на стадион, они же не ходили на работу, потому что считалось, что они начальствующие. Если они в отряде начальствующие, они, кстати, получали, в отличие от других, заработную плату. У меня там заработная плата 0,1 копейки, а они получали нормальную заработную плату, ну нормальную — там по 150, по 200 рублей. И имели в общем-то удобства. То есть те, кто хотел, те хорошо могли устроиться».

«У них в порядке вещей пить чай с администрацией, угощать их конфетами и наоборот. Кроме того, доступны различные плюшки — улучшенные, длительные свидания, постоянные звонки, и так далее, и тому подобное. Не говоря уже о том, что благодаря своему положению, они могут достать в колонию практически все, что угодно, даже из списка запрещенных вещей. Не то, чтобы какие-то наркотики или алкоголь, а например, копченое мясо, которое нельзя было. Завхозы без проблем его получали».

В то же время, те, кто отказывался от сотрудничества или воспринимался как «проблемный», систематически подвергался давлению: им чаще назначают дежурства, строже контролируют, фиксируют малейшие нарушения.

«...понимали, что если с завхозом начинать в каких-то контрах быть, то автоматически администрация тебя каким-то образом накажет. При мне был случай: завхоз в столовке... он воровал, короче, подворовывал. Обвешивал мужичков, давал им масла меньше, чем полагалось. И один из заключенных, который работал, что-то он с ним закусился, и он возьми и расскажи всем, что завхоз, значит, всех обвешивает. А почему он обвешивал: ну, за какие-то блага. То есть, он это масло обменивал на сигареты, на что-то другое. Там торговля идет очень бойко, хочу сказать, в колонии. Ну что — парень поехал в ШИЗО, а потом поехал в другой отряд. Поэтому... в основном, завхозов там слушают».

«На самой нижней ступени находятся так называемые „водогребни“, или там их называют „петухами“. Это либо же педофилы, либо насильники и так далее. Они находились в самой низкой ступени иерархии. Потом шли политические. Потом все остальные в виде убийц, наркоманов и так далее. И потом уже активисты. Активисты — это дневальные, завхозы. После активистов, это уже работники самой колонии идут».

Низкий социальный статус

«Это не секрет, что на личном деле, даже если человек переводится или еще что-то... они рисовали буквы „НС“, чтобы менты понимали, что это низкий статус».

В структуре неформальной иерархии в колонии отдельно выделяется группа заключенных с так называемым «низким социальным статусом» (НСС). Как правило, к ней относятся лица, осужденные по статьям, связанным с сексуальными преступлениями, либо принадлежащие к ЛГБТК+ сообществу.

«Единственное, что осталось от этих понятий — это низкий статус. Все остальное — это просто общечеловеческие принципы социальной группы, которая живет в закрытом пространстве».

«Низкий статус — это как их называют — „петухи“. Люди, которые заезжают по каким-то преступлениям на сексуализированной почве».

Однако по рассказам заключенных, многим удавалось откупиться от «низкого статуса», несмотря на наличие соответствующей статьи. По рассказам бывших заключенных, в их отрядах было по 5-6 заключенных с низким социальным статусом.

Формально заключенные с НСС находятся в составе отряда, однако их положение носит обособленный характер.

«С ними не общаются. Они отдельно сидят в столовой, [у них] отдельные кровати. Они убирают [туалеты]. По крайней мере, я знаю, что в других колониях были случаи, когда политических гнали убирать туалеты. Если ты идешь [убирать туалет], значит, ты перемещаешься в этот низкий статус. На „Витьбе“ это была работа низкого статуса — вечный дежурный по туалету».

«В их обязанность входит вся грязная работа. То есть, они чистят снег всегда зимой, они убирают туалеты, они убирают мусорки, они убирают все, что им скажут. Если на полу разлили, кто-то шел с кружкой чая и разлил на коридоре чай в бараке, значит это уберет этот человек».

Хотя с ними общаться можно, но совместное проведение времени с такими заключенными и их участие в общей повседневности ограничены. Более того, действует механизм «заражения статусом».

«Если он сигарету вам даст, и вы ее возьмете из его рук, то вы тоже становитесь автоматически „петухом“».

«Этот человек не имеет права сидеть за общим столом, не может питаться за общим столом. Нельзя трогать его кружку, тарелку».

Принадлежность к низкому статусу не обязательно сопровождается открытым насилием. Касаемо отношения к людям с НСС, в колонии есть различные мнения, однако большинство свидетелей утверждают, что такие заключенные во многом бесправны.

«Ночью их могут избить, например, за храп. То есть, если кому-то можно храпеть, то им храпеть нельзя. Ночью могут им надавать тумачков, а потом исрать тональный крем, чтобы они замазали синяки, чтобы вопросов у администрации не было. Абсолютно бесправные».

Парадоксальным образом, несмотря на маргинализацию, такие заключенные могут одновременно использоваться администрацией как источник информации.

«Но самое смешное при этом — это я узнал случайно — что все „петухи“ на колониях, они доносчики у администрации. Это мне рассказал сам такой вот низкий статус. Был там такой Саша, он был „петухом“ на карантине. А карантин — это место, куда все приезжают, и там только два человека, кто постоянно находится: это Х., который завхоз, и при нем этот „петух“ Саша, который моет все толчки. И как-то в один из дней мне выпало дежурство в столовой. А у него было место отдельное как раз в столовой. Он там все время сидел, этот Саша. И разговаривать-то с ними не возбраняется. „Ну только ты, — говорит, — с этим будь осторожен, потому что они все доносчики у администрации, и конкретно у психолога“».

Отдельного внимания заслуживает механизм формирования этого статуса. Внутри колонии он, как правило, не присваивается произвольно. Это связано с существованием устойчивых внутренних правил, которые, по словам заключенных, необходимы для функционирования закрытой среды, где «заключенных много, а сотрудников мало».

«Нельзя просто так перевести в низкий статус. Для этого должны быть основания. Возможно, это в колониях, где уже повторно люди содержатся, но в нашей колонии, где сидят люди первый раз, такого нет».

«...в карантине рассказывали, как надо себя вести по отношению к людям с низким социальным статусом... чтобы „никому не создавать проблем, чтобы по тебе вопросов не возникло“. Как в туалете себя вести, как в умывальнике, в спальне. Там есть определенная субкультура, правила поведения. Если ты придерживаешься этого всего, то просидишь ровно, никто по тебе вопросов не задаст, если ты сам не накосячишь».

В большинстве случаев такой статус формируется еще на этапе следственного изолятора и затем переносится в колонию¹².

«Этой гадостной деятельностью занимается администрация СИЗО: Володарка, Жодино и в других городах. То есть как только человек оступился, то сразу же местная администрация дает знать это блаткомитету так называемому».

Как отмечают бывшие заключенные, ключевую роль в определении этого статуса играет позиция сотрудников оперативного отдела: если начальник оперативного отдела говорит, что этот должен стать таким, то его объявляют.

Кроме того, механизм присвоения низкого статуса может использоваться как инструмент косвенного наказания, в том числе в отношении политических заключенных. Администрация может назначить им работы, которые в тюремной среде считаются унижительными и влекут понижение неформального статуса, например, уборку туалетов. При этом отказ выполнять такое поручение расценивается как нарушение режима и может повлечь дисциплинарное наказание, включая помещение в штрафной изолятор.

[12] Николай Дедок. Цвета параллельного мира. Неприкасаемые в тюремной иерархии: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/nikolaj-dedok-cveta-parallelnogo-mira>.

По свидетельствам бывших заключенных, угрозы перевода в «низкий статус» постоянно использовались администрацией как инструмент давления на политических заключенных.

Дополнительную роль в этой системе играют заключенные, сотрудничающие с администрацией. В частности, один из завхозов карантина регулярно угрожал политическим заключенным переводом в «низкий статус».

«Он сказал: „Идите в „низкий статус“, в „петухи“, идите убирайте туалеты, тогда получите длительные свидания“. Это оперативный сотрудник — Спиридонов Владислав Владимирович. Молодой парень, дико ненавидящий политзаключенных, с его же слов».

«Х. работал на начальника оперативного отдела Голубева. Он угрожал политзаключенным, что отправит их в „гарем“, в „низкий статус“, к „петухам“. Все эти угрозы и какие-то подставы он делал с разрешения и поощрения начальника оперотдела Голубева».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

*«... нам показывали фильм “Пианист”,
Поланский режиссер. Там у евреев были
нашивки желтые на рукавах. Я говорю:
“Администрация... они вообще нормальные
или они выжили из ума показывать мне
фильм про меня? Показывать, что мы
сейчас в фашизме находимся!”».*

Из показаний бывшего заключенного

Среди наиболее известных политических заключенных, прошедших через ИК-3, числятся Павел Северинец, Николай Дедок, Игорь Лосик, Дмитрий Афонагель, Дмитрий Дашкевич, а также Андрей Дмитриев, Максим Винярский, Сергей Петрухин и ряд других активистов.

По свидетельствам бывших заключенных, доля политических в колонии в разные периоды колебалась: зимой 2022 года политических заключенных было около 7 человек на 100, однако уже к весне 2023 года их число выросло примерно до 28-30%. В среднем в каждом отряде находится около 25-30% политических, и они распределяются по отрядам более-менее равномерно. Такая динамика объясняется постоянной ротацией: одни заключенные освобождаются, на их место прибывают новые осужденные по «экстремистским» статьям.

Наиболее заметным признаком политических заключенных в колонии являются специальные отличительные метки — желтые, а иногда и красные бирки на одежде. Практически каждый политзаключенный имеет свой профучет¹³ в зависимости от статьи, по которой он осужден.

«Желтая бирка означала, что человек стоит на профучете. Это не то, что к политическим конкретно относится, но они просто все с профучетом. У обычных заключенных это белая бирка. На ней — фамилия, имя, статья, год рождения, начало и конец срока. А у профучета это бирка желтого цвета».

«Меня поставили на второй учет как „склонного к экстремистской и иной деструктивной деятельности“. Почитали преамбулу приговора и таким образом решили, что я к ней склонен. По факту мне приходилось дополнять свой доклад, который я делал не меньше двух раз в день, что я нахожусь на профучете как склонный к нападению на администрацию, захвату заложников, экстремизму и иной деструктивной деятельности. Также нужно было проговорить начало срока, конец, статью и кто шеф профучета».

«Заезжали в наш лагерь люди и с террористическими статьями. Но это такой же террорист, как и я экстремист: то есть человек протестует против того, чтобы через территорию Беларуси шла военная техника в Украину, положил эту проволоку на железную дорогу, чтобы остановить движение. Его назвали властью террористом».

Политические заключенные поступали в колонию этапами, и каждая такая «волна» имела свои особенности.

«Первоначально заезжали люди, которые выходили на улицы: по 342-й статье, 339-й „хулиганке“, моей 368-й... 364-й, 363-й „сопротивление гаишникам“, 368-й — это „оскорбление президента“. 293-я статья — „участие, организация, финансирование массовых беспорядков“. И это люди открытые и яркие [люди], с ними интересно общаться, ты понимаешь, что была идея. Люди вышли на улицу, не побоялись своего мнения».

[13] Например, 10-й профучет присваивался человеку, который по меркам колонии склонен к экстремизму и иной деструктивной деятельности.

«Потом стали заезжать по 140-й статье — это „разжигание ненависти на различных почвах“. Это так называемые заключенные по делу Зельцера. Когда произошла перестрелка в жилой квартире, они не смогли, душа не выдержала, и они прокомментировали это дело. И стали получать от 2-х до 8-ми лет. Где-то в лайках усмотрели угрозу нацбезопасности, где-то в комментариях. С их рассказов, были специальные эксперты, которые, заключали, проводили экспертизы их психоэмоционального состояния и говорили, что они виновны. Очень много людей задействовано в этой системе, в системе наказания и истребления людей».

Желтые бирки несут своим владельцам дополнительные работы, лишения и контроль. Заключенные с такими нашивками должны работать в субботу, когда у остальных выходной, либо оставаться работать дольше, если до этого у них была вторая смена. Для них существуют дополнительные проверки — так называемая переключка, также им предоставляется меньше звонков, свиданий и передач. Кроме этого, еще и дополнительные бытовые неудобства, которые являются негласными правилами в колонии: спальное место на втором ярусе, сумки в кишарке только на верхней полке.

«Политическим не давали пропуск в нормальный тренажерный зал. Остальные осужденные их получали и ходили занимались. Никакого логического ответа: „Ты че, не видел какая у тебя бирка? Желтая!“».

Политические заключенные систематически ограничивались в правах, которыми пользовались осужденные по общеуголовным статьям¹⁴. Им запрещали посещать тренажерный зал тяжелой атлетики, литературный клуб, профессионально-техническое училище при колонии и многие другие помещения и мероприятия. Также существовали квоты для участия политических заключенных в определенных соревнованиях. В библиотеке, основной аудиторией которой были политические заключенные, изымались книги на белорусском и иностранных языках.

«Чтобы войти на спортивный городок, нужен пропуск. А пропуска никому не давали, только работающим и сотрудничающим с режимом».

«Еще был аналог игры „Что Где Когда“. Забавно, что в какой-то момент в этой игре стали участвовать одни БЧБ-шники, и внутренним распоряжением сказали, что капитан команды должен быть не БЧБ-шник, а кто-то с белой биркой. Потом сказали, что должна быть половина, то есть, половина с белой биркой, половина БЧБ-шников».

Политические заключенные в ИК-3 были систематически лишены доступа к поощрениям, которые формально существовали для всех осужденных. Разрыв был особенно очевиден в ситуациях, когда политический заключенный своим трудом или участием приносил отряду результат в спортивных мероприятиях, однако вознаграждение получали более лояльные к администрации заключенные. Политическому заключенному в лучшем случае обещали негласную защиту при следующем нарушении.

[14] Осужденные по общеуголовным статьям, то есть за преступления, не связанные с политически мотивированным преследованием (кража, мошенничество, грабеж, причинение вреда здоровью, наркотические преступления и т.п.).

«Вот мы идем, играем в баскетбол. Я там свои колени убиваю. Мы выигрываем. А потом физрук вписывает завхоза и какого-нибудь еще дневального, мол, что они были в команде. И начальник отряда им дает свидания внеочередные с женами. Ты сидишь, ждешь, чтобы тебе дали звонок 7-минутный два раза в месяц, а они идут каждый месяц по 3 суток к женам и детям в объятия».

Повышенное внимание к политзаключенным выражается в постоянных проверках: сотрудники без видимых причин приходят с обысками, осматривают тумбочки, личные вещи, и пытаются обнаружить любые формальные нарушения. Даже незначительные поводы становятся основанием для составления рапортов. Такая практика имеет конкретную цель — придать политзаключенному статус «злостного нарушителя». Достаточно трех дисциплинарных взысканий, чтобы человек попадал в эту категорию.

«Я заехал на зону и был одним из первых политических. Помимо меня, может, 4-5 человека было. Ко всем нам очень сильное внимание. Если есть три нарушения, то считается, что ты уже злостный нарушитель. Они в магазине могут закупиться на две базовых. Это 60 с копейками рублей, это вообще не деньги...».

«Профучет всегда строили в начале отряда. Все перемещения в столовую, из столовой, по территории колонии, проводятся отрядом по 5 человек в ряду. Ну, и к нам всегда было повышенное внимание. Если отстал, например, в столовой, то ты бросаешься в глаза, потому что у тебя желтая бирка, а сзади идут все только с белыми бирками. Это тоже может стать причиной того, что тебе напишут нарушение».

Особое значение эти нарушения имеют в контексте условно-досрочного освобождения. В отношении политических заключенных действует негласная установка не допускать их к УДО. Для этого в ИК-3 используется практика целенаправленного накопления взысканий. «Иногда приходят и прямо говорят: дайте нам нарушение», — отмечает бывший заключенный. В результате заключенные оказываются перед выбором: либо самостоятельно «предоставить» незначительное нарушение и на время снизить давление, либо столкнуться с более жесткими последствиями — оформлением нескольких взысканий подряд с последующим помещением в штрафной изолятор (ШИЗО) или переводом в помещение камерного типа (ПКТ).

По рассказам заключенных, администрация целенаправленно препятствует любым контактам между политическими заключенными. Обычные заключенные также сторонились политических — общение с ними могло стать основанием для наказания.

«На карантине проходили эти собеседования. Там озвучивалось, чтобы никаких там политических лозунгов, чтобы не собирались, не общались между собой. Если не хочешь проблем, постарайтесь меньше общаться с такими ребятами. Это когда уже заезжали такие более известные личности типа Максима Знака. Честно скажу, многие разочаровали, потому что боялись этих угроз».

«То есть, даже попить чай вместе, о чем-то поговорить... Сразу людей переводили в разные бараки, кого-то закидывали в карцер. Все это было под страшным запретом. Нас чурались обычные заключенные, с нами нельзя было общаться».

ПРОВОКАЦИИ И «СТУКАЧЕСТВО»

«Ты постоянно на виду. И это тоже давит. Давит от того, что ты понимаешь, что ты не можешь с кем-то поделиться своей историей, своей информацией, потому что в 99% эта информация будет использована против тебя. Она будет использована для того, чтобы самому спастись: сдай кого-нибудь, тогда к тебе будет меньше внимания».

Из показаний бывшего заключенного

Администрация колонии целенаправленно использует часть осужденных в качестве осведомителей («стукачей»). Как правило, такие люди действуют по заданию оперативных сотрудников: они провоцируют политических заключенных на нарушения режима, которые затем служат основанием для дисциплинарных взысканий. Помимо прямого давления на конкретного человека, это формирует в учреждении общую атмосферу взаимного недоверия, когда каждый осужденный подозревает соседа в доносительстве.

«Сидят куча иностранцев разных. И поэтому зона такая показательная... Туда везут обычно всех стукачей. И если ты где-то что-то сказал, это обязательно дойдет до того, кому бы это не хотелось бы, чтобы дошло».

«В ИК-3 процветают доносы. Заключенные за определенные плюшки сотрудничают с администрацией, закладывают, стучат, доносят на своих. Ну, ну не то что своих, конечно, там человек человеку волк. Но, тем не менее, мы как бы все пострадали от режима. И есть люди, которые, все знают, что они сотрудничают с администрацией, докладывают операм. Взамен они просто не ходят на промзону или имеют вместо пластиковой чашки керамическую или стеклянную. Электрочайник вместо кипятильника...».

«Стукачи» помогают представителям администрации выяснить, какие именно отношения есть между заключенными, какие у них есть слабости, какие нарушения они совершают.

«Я понимал, по какой причине это делается. Потому что они реально могут закрыть человека на ШИЗО и держать там сколько угодно. И если холодно, могут хату дать такую, что почки отморозишь, и что потом делать? Я этого боялся, я не скрываю, что конкретно боялся ШИЗО».

Сотрудники ИК-3 целенаправленно создают для отдельных заключенных (в том числе, осужденных по политическим статьям) условия, при которых те вынуждены соглашаться на сотрудничество с администрацией. Через давление на конкретного человека сотрудники добиваются его согласия доносить на других заключенных. Для этого используются угрозы, шантаж и произвольное наложение дисциплинарных взысканий...

*«„Смотри, какая фигня. По БЧБ отстрел не прекратится. Ты же не хочешь на ШИЗО постоянно ездить? Нах*й тебе эти проблемы?“ — угрожал мне. Говорил, что из-под крыши не выйду: „Тебе надо подписать соглашение о сотрудничестве с администрацией. Если ты этого не сделаешь, чувак, сам понимаешь, отстрел не прекратится, тебе пиз*а будет“».*

Отдельным направлением является вербовка осужденных для слежки именно за политическими заключенными. Сотрудничество не всегда предполагало перевод осужденного в «актив» и могло выражаться только в эпизодическом предоставлении информации. Рекрутировали в «стукачи» и политических заключенных.

*«Меня подтянул оперативник, Спиридонов Владислав Владимирович, на КПП. Это был один на один разговор. Я подписал бумаги. Сказал, что „мне пиз*а, если я кому-то расскажу, что это государственная тайна“. Это бумаги о том, чтобы стучать на мусоров. После этого я пацанам рассказал, что ребята, такая вот фигня, такую фигню сказали подписать, чтобы вы не переживали... Говорил: „Я могу тебя вызвать раз в пару месяцев“. Только по БЧБ, я так понял, это по всем политзаключенным, которые в зоне находятся. Также он говорил, что ему интересна информация о тех, кто планирует вступить в батальон Кастуся Калиновского, когда выйдет».*

Оперативники и другие сотрудники формируют собственную сеть «стукачей».

В качестве «стукачей» часто используются осужденные, у которых большие сроки заключения, как правило, за убийство или незаконный оборот наркотиков, и отсутствует поддержка от родственников и друзей со свободы. «Стукачи» получают «бонусы» за свои услуги: например, пропуск дежурств, внеочередные передачи и свидания.

«Стукачеством» занимались не только заключенные, но и сотрудники колонии, которые не связаны с оперативной или режимной работой — часто в доносительство был вовлечен и медицинский персонал.

Администрация создает условия для провокаций физического насилия среди заключенных с последующим привлечением его к ответственности.

Часто «стукачами» становились бывшие сотрудники правоохранительных органов, бывшие судьи, чиновники.

«Потому что у каждого мало-мальского значимого мента в зоне есть свой информатор. Человек, который стучит и выполняет его приказы. Даже у самого мало-мальского».

«В основном это наркотические статьи, убийство. Я так думаю, потому что у них срока большие очень, от десяти лет, и к этим людям администрация более благосклонно относится, что им и так долго сидеть. Какие-то улучшения для них. Я ко всем по-человечески отношусь и по-человечески я их понимаю, что они сидят там уже хрен пойми сколько. Наверное, не было выбора, если они так поступали».

«Психолог приходил и рассказывал людям новости насчет успехов Украины в войне. Люди слушали, им нравилось это, а он наблюдал за реакцией, кто как реагирует. Какие-то для себя пометки делал».

«И поэтому они поддерживают вот эту позицию администрации, где-то щемить, делать жизни политических, либо „БЧБ-шники“, либо „змагары“ — называли всех, кто проходит по политическим статьям, кто с экстремистским профучетом. И, в принципе, даже, можно сказать, и их руками администрация усложняла жизнь таким, как я».

«Есть специальные люди среди заключенных, которым администрация поручает провоцировать конфликты. И вот они ходят и провоцируют конфликты. То есть у тебя, соответственно, выбор — либо просто там убежать, чтобы с ним не разговаривать, либо вступить с ним, так сказать, немножко помахать руками. Ну, соответственно, с последствиями».

«У нас отряд, наверное, половина как раз-таки либо бывшие менты, либо сотрудники КГБ, военных пар, прокурорские, судьи. То есть, такой контингент. У нас поэтому кличка отряда была „Районный отдел внутренних дел“.

ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ НАД ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

«Это везде тюрьма? какая бы она ни была — Окрестина, Жодино, СИЗО №2 Витебска, ИК №3, не важно. И вот они все время делают тебе исподтишка какие-то подлянки для того, чтобы ты там себя не очень хорошо чувствовал. И с точки зрения закона ты ничего не докажешь, и зафиксировать ты не можешь — у тебя камер нет, и записать с твоих слов, и подтвердить твои слова никто не сможет».

Из показаний бывшего заключенного

Свидетельства бывших заключенных указывают, что физическое и психологическое насилие в ИК-3 применялось как часть системы давления и контроля. Речь идет не только об отдельных случаях избиений, но и о постоянной угрозе применения силы. Такое обращение могло использоваться для наказания, подавления жалоб, принуждения к выполнению требований администрации или демонстрации власти над заключенными.

«И мы всех собрали, выступили против этого. Особенно тот вот парень Х. выступал против этого дневального. И мы попросили всех проголосовать, кто за него, кто против. За него подняли руки 5 человек, ну, а против, соответственно, даже не стали поднимать, там 100 с лишним.. Администрация забирает его с промзоны и избивает до полусмерти. Его забили там, он описался, обкакался. Его там просто забили дубинками в дежурке до полусмерти».

«А второго причастного парня просто измочалили, а потом 60 суток держали в ШИЗО. Там был начальник колонии, все заместители начальников колонии и все оперативные работники [речь идет о событиях, которые происходили в октябре 2023 года]. То есть, такое ощущение, что у них как круговая порука там была. Какой-то бред — каждый подошел, минимум по несколько ударов сделал. Кто-то там особенно старался. Потом уже стали дубинками бить. Тебя бьют по ягодицам со всей силы дубинками, пока у тебя эти мышцы не расслабляются, все сфинктеры, мочевого пузырь...».

«Рассказал осужденный, что подписал бумаги как незаконно осужденный. Там был Федченко, сказал применить спецсредства. После этого [имя человека не указано из соображений конфиденциальности и безопасности] избили сильно и закинули в ШИЗО на 27 суток. Он там сидел один и в душ его водили одного, чтобы другие не видели синяки. Потом синяки у него прошли, его отпустили. Вышел он, у него руки дрожали. Человек вообще стал замкнутый, когда вышел».

Помимо сфабрикованных нарушений, слезки и доносов в отношении заключенных, сотрудники систематически угрожают им переводом в «низкий статус», возбуждением новых уголовных дел и продления срока наказания, а также насилием в отношении родственников или их арестом.

«И потом под диктовку пишу, что по материалу, по сути заданных мне вопросов, объясняю, что да, я действительно спал в такое-то время, лежа на полу, потому что у меня болела голова и я плохо себя чувствовал. Свою вину признаю, в нарушении раскаиваюсь. И я пишу эти слова и понимаю, что делаю это из животного страха, потому что у меня накапывают мысли, что я отсюда могу не выйти».

*«Они мне угрожали сильно. По-моему, я что-то говорил нехорошее, до них это дошло. Меня вызвал оперативник в кабинет. Это было в августе 2022 года. Закрыл изнутри дверь, начал кричать и угрожать: „Если будешь такую х*йню п*здеть, то я тебя отпизжу лично дубинкой. На нормальной зоне тебя бы уже вы*бали давно, да я бы сам тебя вы*бал“. Вот такую фигню начал нести. Мне это очень неприятно было, в памяти отложилось. После этого разговора, через какое-то время он мне пообещал: „Я тебя закрою на ШИЗО, ты у меня будешь сидеть и не выйдешь“. Думаю, ну, классно. Мне недолго сидеть оставалось и думаю, закрывайте. В итоге 17 суток отсидел, вышел. Потом они, вроде, успокоились и все. Честно, сейчас вспоминаю, руки дрожат».*

«НАРУШЕНИЯ» И НАКАЗАНИЯ

«Каждый день стресс. Каждый день какие-то конфликтные ситуации на бытовой почве. Люди... , хамское общение. Такой нездоровый эгоизм, наплевательское отношение к соседям. Все накладывает отпечатки, все накладывает негативные воспоминания. Но со временем привыкаешь. Человек ко всему привыкает. Но к стрессу не привыкаешь. Стресс постоянно. И страх, что тебе прилетит очередное нарушение, что к тебе придут шмонать твою сумку. А у каждой сумки должна быть опись. Если опись не совпадает с содержимым сумки, то это нарушение. А нарушение — это может быть лишение краткого свидания, длительного свидания. Нарушение — это может быть лишение передачи или даже карцер».

Из показаний бывшего заключенного

Статьей 112 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь установлен перечень применяемых наказаний за нарушение установленного порядка отбывания наказания¹⁵. Самого понятия «нарушение порядка отбывания наказания» законодательство не содержит, поэтому администрация исправительного учреждения трактует эту норму по своему усмотрению.

Одним из частых нарушений, за которое наказывали заключенных, является то, что он не поздоровался с представителем администрации. При этом подобная практика нередко доводилась до абсурда: заключенные были обязаны по 30-50 раз в день приветствовать одного и того же сотрудника, называя свое имя, статус и сообщая другую установленную правилами информацию.

«Если очень быстро нужно было человека закатать в штрафной изолятор, назначалась уборка дополнительная, и отправлялся человек убирать туалеты. В основном, все отказывались. И потом еще одна уборка убирать мусорки. Тоже отказывались. Все, человек попадал в штрафной изолятор. Еще какие наказания? Ну, самое лайтовое — это выговор, потом уборка дополнительная. Потом более жесткие — это лишение внеочередной посылки, либо передачи, лишение краткого свидания, лишение длительного свидания, ну, и штрафной изолятор, карцер».

Рассмотрение рапортов о нарушениях происходит на комиссии, в которую входят члены администрации колонии во главе с ее начальником. Заключенные называют заседание комиссии «крестины». Оно проводится формально, никто не пытается выяснить, действительно ли нарушение имело место, и оценить его последствия, к заключенному просто применяется то взыскание, которое в данный момент выгодно администрации.

«За это нарушение его вызывают к начальнику зоны. И начальник зоны с замполитом за это нарушение... Представляют, сидят двое мужиков полковников, серьезно говорят, что у вас нашли яйца в тумбочке. И, представляют, вы вынесли эту еду из столовой. Вот как в советских старых... в старые времена рассказ о каких-то страшных вещах, а на самом деле вообще выеденного яйца не стоит это все».

Можно с уверенностью сказать, что все политические заключенные подвергались взысканиям, а большинству из них администрация присваивала статус «злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания».

[15] См. подробнее о системе взысканий в расследовании «Пытки и жестокое обращение в исправительной колонии № 17 Шклова». Стр. 38-40: https://torturesbelarus2020.org/ru/pytki-i-zhestokoe-obra%d1%8genie-v-ispravitelnoj-kolonii-%e2%84%96-17-g-shklova/.

«У меня было ШИЗО за второе, третье и четвертое нарушения. За тапочки, потом два раза за сон. И еще раз было ШИЗО за то, что я ругался матом, как они сказали. То, что сказал: „суки, у меня забрали семью“. Потом я отделался, так называемое 101-й. Это сверхурочная работа по подметанию плаца на улице, участка выделенного».

«Злостные нарушители. Три нарушения. Потом идешь на комиссию, получаешь статус злостного нарушителя. Находясь на общем режиме, автоматически получаешь условия содержания усиленного режима. Это меньше посылок, бандеролей, свиданий, звонков, видеозвонков. Это просто если ты кому-то не понравился, ты можешь получить статус злостного нарушителя. Или ты не признаешь вину долго, это тоже может быть причиной для получения статуса злостного нарушителя».

К политическим заключенным часто применяются такие виды взысканий, как лишение свиданий (в том числе уже согласованных, о проведении которых были заранее уведомлены родственники), лишение права на передачу, назначение внеочередного дежурства. Так как нормативно не предусмотрено, какое наказание за какое нарушение может применяться. Решение о наказании на практике во многом зависит исключительно от усмотрения сотрудника администрации. За малейшую провинность, такую как расстегнутая пуговица, выдуманная небритость и иные надуманные поводы, можно лишиться свидания с родными, которого и заключенный, и его родственники могли ждать целый год.

Также у политических заключенных регулярно проводятся проверки описей личных вещей и продуктов питания, при которых практически всегда выявляются «нарушения». Это связано с тем, что продукты естественным образом потребляются и их количество постоянно меняется, в то время как у заключенных отсутствует реальная возможность точно их взвешивать и поддерживать соответствие формальным требованиям учета.

«И подчеркиваю, что все политические сидят с нарушениями. Я говорил это и прессе, и еще раз повторяю. Начальник отряда вызывает и говорит: „Выбирай: или опоздал на зарядку, или курил в непопозволенном месте“. Он говорит, что в любом случае нарушение у тебя должно быть, поэтому выбирай, чтобы мне не придумывать тебе».

«У меня было всего семь нарушений. Еще были нарушения за то, что не поздоровался, не совпадала опись в сумке. Подушка... сон... сон... подушка... тапочки... сон... сон... не поздоровался... ругался матом... не выполнил нормуна промзоне...».

Наказание внеочередным дежурством не выглядит слишком тяжелым, но зачастую такие дежурства используются администрацией как инструмент последующего помещения в ШИЗО. Так, заключенному могут поручить уборку туалета или вынос мусора, ставя его перед выбором между выполнением работы, сопряженной с понижением «статуса», и дисциплинарным наказанием в виде помещения в ШИЗО.

«А если ты нарушаешь, значит, ты не стал на путь исправления. Если ты не стал на путь исправления, значит, тебе ни условно-досрочное, ни замена режима, ни опять же если ты напишешь на помилование, та же „помилуха“. Даже если вину признаешь, все равно характеристику дает тебе администрация. Администрация напишет: „Является нарушителем, не стал на путь исправления“».

«ШИЗО — это ж крайняя мера. Вы ж понимаете, да? А там изначально, там могут просто предупреждение вынести. Но потом понеслось — лишение звонков, лишение свидания какого-то краткосрочного, лишения свидания длительного. То есть, там постоянно-постоянно нарушения, и вы приходите к ШИЗО. А дальше, когда тебя уже всего лишили — снова ШИЗО».

ШИЗО И ПКТ

«ШИЗО был самым сложным этапом заключения. Если полтора года разделить, то с самого начала было полегче. С каждым днем и месяцем условия ужесточались, и последней точкой были полтора месяца в ШИЗО в одиночестве, со своими мыслями. Холод, голод — это было самым сложным и повлияло на оценку происходящего».

Из показаний бывшего заключенного

В наших расследованиях мы неоднократно описывали условия содержания в ШИЗО в различных колониях страны¹⁶. Камеры ШИЗО там представляют собой бесчеловечные условия. ИК-3 не является исключением.

«Если ПКТ, то ты можешь читать, даже на отоварку деньги тратить, то здесь ни читать, ни писать, ничего. И очки не дали, хотя с собой были очки, я всегда с очками. Хотя здесь были бы очки, что там читать, если книги не дают, ничего не дают. Для курящих там страшный ад, потому что курить тоже не разрешают сигареты. И у людей, которые курят, первые три-четыре дня, может, пять, еще и ломка происходит от никотиновой зависимости».

«В ШИЗО нет спальных принадлежностей, приходится спать на голых досках. Нара обита металлическим уголком, приходится подкладывать что-то под колено; ноги, плечи затекают. Вместо подушки у меня была туалетная бумага, которую я сэкономил на протяжении полутора месяцев, потому что, чем меньше она становилась, тем спать становилось жестче. Голова оказывалась в неудобном положении. Полотенце я использовал днем как шарф, а ночью как простынь. Тряпочку, которая лежала на входе в камеру, я использовал как матрас — подкладывал под бок, потому что доски были достаточно холодные, хоть и не металл».

«Пока согреешься, приходилось по ночам вставать, делать физические упражнения. Достаточно сложно было в плане физической стабильности. Я тогда достаточно сильно похудел, и сейчас весы показывают определенную потерю веса из-за физических упражнений, из-за того, что еду дают там порожняковую, передачек, посылок нет. Постоянно ощущаешь холод и голод, это очень сложно».

Максимальный срок нахождения в ШИЗО составляет 15 суток, однако при помещении туда нередко запускается «карусель» нарушений, при которой по завершении одного срока сразу фиксируются новые нарушения. На определенном этапе человека даже перестают водить на комиссию, ограничиваясь лишь уведомлением о новом сроке содержания. В результате подобной практики пребывание в ШИЗО фактически может растягиваться на месяцы.

«А те, кто в середине срока сидит, тем многим добавляли. Или подходят: „А вот не убрано. А осужденный должен убирать камеру. Не убрано или там неправильный доклад. И добавляют еще рапорт, еще 10 суток. Через 10 суток еще рапорт, еще 10 суток“».

При водворении в ШИЗО сотрудники ИК-3 намеренно усугубляли положение осужденных, создавая условия, которые по своему характеру носили откровенно пыточный характер — ограниченное питание, пребывание в холодном помещении, отсутствие свежего воздуха и невозможность прогулок и любых коммуникаций с внешним миром и другими заключенными.

«Если ты на бараке, ты в любое время пошел, в свободное время чай себе сделал, бутер сделал, туда-сюда сало отрезал, кусок съел с луком. Ну, в конце концов, голодный на бараке никогда не останешься. А там — только на положняке. И те люди, которые по 30, по 40, по 60 суток сидели, когда я был в отряде, они просто приходили, я их не узнавал. Они на положняке 30 суток — это сразу видно, худеют мгновенно, когда своего не есть».

[16] См. подробнее о системе взысканий в расследовании «Пытки и жестокое обращение в исправительной колонии № 17 Шклова». Стр. 41-43: <https://torturesbelarus2020.org/ru/pytki-i-zhestokoe-obra%1%8qenie-v-ispravitelnoj-kolonii-%e2%84%96-17-g-shklova/>.

«Тебе только оставляют нижнее белье, трусы, майку, дают пижаму и дают брюки такие. На пижаме сзади написано „Карцер“. Слова большие, такие как, ну как у милиции „Милиция“ написано, а в ШИЗО написано „Карцер“. И все, с этими вещами ты находишься там. Тебя не выводят. Подчеркиваю, на прогулки не выводят».

Главные отличия ПКТ

от ШИЗО — наличие постельного белья, возможность делать покупки в магазине в ограниченном ассортименте на сумму до одной базовой величины в месяц, ежедневные прогулки, возможность взять личные вещи. Максимальный срок содержания в ПКТ — 6 месяцев.

Содержание заключенного в ШИЗО создает идеальные условия для физического и психологического насилия: доступ свидетелей и возможность получения своевременной помощи в таких помещениях крайне ограничены. Распространенная практика — помещение человека в ШИЗО после избиения сотрудниками колонии, с последующим содержанием до исчезновения внешних следов возможных повреждений.

«Условия содержания там такие же, как в СИЗО. Камера на несколько человек. Ты там с вещами, прогулка раз в день на полчаса. Выводят на звонки, разрешена библиотека, ты пишешь заявление, и тебе приносят... Условия содержания, по сути, как СИЗО».

«Когда я вышел за пределы этого красного дома, облицованного красным кирпичом, „Кремль“ его называли, у меня голова закружилась от просторов, от зелени травы и деревьев, от голубизны неба. Реально закружилась голова».

«Полное одиночество давит. Из-за большого количества суток начинаешь в какой-то момент прокручивать мысли одни и те же в голове. И в итоге приходится какой-то ерундой заниматься. Начал кормить паука мошками, писать на стене меню, которое приносят каждый день: каши, супы. Приходилось реально заниматься фигней. Если не ходишь из угла в угол или не занимаешься физическими упражнениями, то просто занимаешься фигней».

«Нужно восстанавливать силы после этих полутора лет, особенно последних полутора месяцев в ШИЗО, когда и физическое состояние было подорвано, и психологическое. Это связано с тем, что ты там постоянно один, нечем заняться. Можно сойти с ума в какой-то момент...».

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ: «КАКОЕ У КОГО ЗДОРОВЬЕ, ТОТ ТАК И ВЫДЕРЖИВАЕТ»

«На волю по врачам вывозили только людей, у которых был рак, у которых были операции какие-то. В общем, в предсмертном состоянии».

Из показаний бывшего заключенного

Медсанчасть «Витьбы-3» производит впечатление обычной поликлиники. Есть лаборатория с возможностью проведения анализов, а также рентген-кабинет, оснащенный современным оборудованием, в палатах сделан неплохой ремонт. Прием ведут терапевты и психотерапевт, работают несколько медсестер, действует отдельный стоматологический кабинет. Формально предполагается, что любой заключенный при ухудшении самочувствия или наличии хронических заболеваний может обратиться за медицинской помощью.

Оказание медицинской помощи в ИК-3

Доступ к медицинской помощи в колонии не является гарантированным правом. Возможность получить обследование, лечение или даже минимальное облегчение состояния зависит не только от медицинских показаний, но и от административных решений. В случае политических заключенных это нередко усугубляется дополнительными ограничениями и более высоким риском отказа в своевременной или полноценной медицинской помощи.

«Подчеркиваю, на политических это общая установка — всем политическим не давать больничные, не освобождать от работы».

«У кого угодно спросите из ИК-3, все подтвердят, что медчасть там ужасная просто. Реально никак не помогают, не лечат, когда человеку реально плохо. Медицинская помощь не оказывается, либо не квалифицированно оказывается. Вот тебе таблетка анальгина и иди».

«Очень зависит от врача, к которому попадешь. В моем случае было так, что у меня вылез геморрой. И доктор, который принимал, сказал: „Ну, ничего страшного. На работу иди, на стульчике посидишь, там провода свои подерешь“. Говорю: „Я стоять и сидеть не могу, понимаете?“. Он говорит: „Нет, типа, иди“. Бывало и такое, что и с температурой под 39 отправляли на промзону».

За свое здоровье нужно было бороться. Доступ к лечению зависел не столько от медицинской необходимости, сколько от настойчивости самого заключенного. Например, одному из заключенных отказывали даже в витаминах, каплях и растворах для глаз и только после бесконечных просьб о помощи он все же добился вывоза на обследование.

Получение заключенными уже разрешенных препаратов организовано максимально неудобно. Если заключенному присылали витамины или лекарства, он не мог просто получить их и принимать по назначению. Ему приходилось проходить многоступенчатую процедуру согласования через нескольких медицинских работников, прежде чем получить доступ к назначенным препаратам. Затем заключенные были вынуждены ежедневно выстаивать очереди для получения строго дозированных порций, по одной таблетке или витаминке за раз. Такая система превращала лечение в ежедневную бюрократическую процедуру и фактически отбивала желание обращаться за помощью.

«Поэтому я старался минимально туда обращаться. Даже когда витамины свои выпишешь, у тебя все есть: разрешение, тебе их прислали... Тебе, чтобы их получить, надо сначала к старшей медсестре, потом еще к одной медсестре, потом они их выдают через киоск в столовой. И только по одной таблетке, по одной витаминке в день, отстояв очередь, забираешь».

Доступ к узким специалистам и оказание медпомощи вне колонии. Невролог, кардиолог, офтальмолог, отоларинголог и другие специалисты, по словам свидетелей, приезжали в колонию раз в несколько месяцев. Чтобы попасть к ним, заключенный должен был написать заявление и ждать включения в соответствующий список. Человек не знал, когда именно приедет нужный врач, приедет ли он вообще за время его заключения и будет ли возможность попасть на прием.

«Если нужны были какие-то врачи профильные из разряда неврологов, кардиологов, офтальмологов и лоров, они приезжали раз в несколько месяцев. То есть, ты пишешь заявление, тебя ставят в список, и ты понятия не имеешь, когда он может приехать или может не приехать вообще пока ты сидишь».

Отдельные свидетельства указывают на полное игнорирование тяжелых состояний заключенных. Например, экспертам стал известен случай, когда пожилому заключенному с разрушением тазобедренного сустава, несмотря на очевидное ухудшение состояния, не оказывалась медицинская помощь на протяжении многих лет.

«У него за год нога укоротилась на несколько сантиметров, потому что у него разрушается тазобедренный сустав, и ему не оказывают лечения. Он выбил себе обследование. Получил направление на обследование, ждал этого обследования, а потом ему сказали: „Ваше обследование прошло, у вас все хорошо“. Хотя его никуда не возили, нигде не обследовали и никаких действий не происходило».

Другой бывший заключенный рассказал об инсульте, перенесенном в ИК-3, и о том, как медики колонии реагировали на данное состояние. Вместо экстренного реагирования на жизнеугрожающее состояние, его отправили назад в барак. Лишь когда у больного начались острые неврологические последствия, в частности деформировалось лицо, врачи начали предпринимать меры.

Даже несмотря на очевидное наличие проблемы, начальник медсанчасти указывал приехавшему из Витебска неврологу не фиксировать в медкарту его настоящий диагноз.

«Когда у меня произошел инсульт, на четвертый или на пятый день меня только положили в санчасть. Меня туда принесли. Из санчасти отправили с инсультом, сказали, что ничего страшного. Потом они спохватились, потому что у меня полностью опять парализовало часть лица. Уже последствия были, и ни скорой помощи, никто ничего не вызывал».

«Приезжала врач, чтобы меня посмотреть, невролог. Меня завели на первый этаж и приставили боком к стене, потому что я не мог нормально стоять, и как раз дверь была с этой стороны. Меня приставили боком к стене, чтобы я подождал, когда меня начальник санчасти вызовет, невролог как раз у него была. Он [начальник санчасти] не знал, что я стою за этой дверью, и я слышал его слова: „Ну ты поняла, не пиши ничего“».

Доступ к медицинской помощи за пределами колонии возможен, но сопровождается жестокой и унижительной процедурой этапирования. Заключенных вывозили в городскую больницу лишь в крайних случаях, когда помощь уже требовала неотложного вмешательства вне учреждения: например, при аппендиците, или при камнях в почках.

«У нас был парень, которого вывозили аппендицит вырезать. Еще с камнями [в почках] тоже было. Когда политических вывозили на городскую больницу, приезжают конвоиры — тебя спецэтапом везут. Политзаключенным надевали как в американских фильмах такие кандалы на руки и на ноги, и тебя на цепочке, пристегнутой к конвою, везут в больницу в город».

Показательным является описание офтальмологического осмотра, проведенного заключенному в медучреждении города в наручниках. На приеме у врача в городской поликлинике он чувствовал себя униженным.

«Не сняли наручники... прямо с цепью посадили к аппарату. Врач, которая меня принимала, вела себя грубо, дерзко. Осмотр почему-то прошел очень быстро. Мне буквально воткнули в глаза этот прибор, которым смотрят глазное дно. Осмотр прошел очень быстро, она сказала: „Я ничего не вижу“. И дала заключение, что у меня все в порядке с глазами».

Стоматологическая помощь в данной колонии фактически сводится к удалению больного зуба. Ожидание очереди на лечение растягивается на месяцы. Один из заключенных рассказал, что за два года стоматолог не нашла возможности провести ему даже базовый осмотр.

«Я старался сберечь этот зуб и по выходу из карантина первым делом пошел и записался к зубному, и еще прождал, наверное, месяц. Она [врач] говорит: „Люди здесь сидят и по 10 месяцев ждут. Еще подождешь“. И так я еще несколько раз пробовал к ней записаться, меня не вызвали. У меня зуб этот частями откололся».

«У Х., тоже политзаключенного, была проблема такая, что у него пол-лица раздулось. Не знаю из-за чего, то ли с зубом что-то, но выглядело это очень хреново. Зубной врач там ужасный, она вообще ничего не умеет делать, даже зуб нормально вырвать не может, не то, что залечить. Ему она не смогла помочь. У меня там были проблемы с зубами постоянно, очень сильно зубы болели, очень часто обращался к врачу. Нормальной помощи я там не получил. В чем-то они может даже хуже сделали мне с зубами».

Многие терпят зубную боль годами, предпочитая сохранить остатки зубов хоть в каком-то виде, надеясь вылечить их после освобождения. Однако отсутствие профессиональной стоматологической помощи и протезирования в колонии приводит к тому, что заключенные в итоге остаются без зубов.

«Я понимал, что зубы можно еще вылечить. Там если с большими сроками, кто уже с деснами только остался, все повырывал... А что потом? Блендер у родственников просить? А как потом жевать?».

«У нас был случай. Он [зубной врач] прежде, чем вырвать больной зуб, вырвал два здоровых. Один раз ошибся. Женщина врач была. Второй раз, вырывая, здоровый зуб поломала. Пришлось вырвать здоровый, и только потом добралась до больного. Вот такая помощь. При этом, мало того, что просто хамила, какой-то адекватной помощи от нельзя было получить. То есть, к врачу ходить нежелательно».

Многие бывшие заключенные находились в колонии во времена пандемии COVID-19. Из-за нехватки мест в стационаре для заболевших пришлось использовать помещения психиатрического отделения, а содержащихся там пациентов, в свою очередь, перевели в камеры камерного типа.

«Их вообще на ПКТ отправили, в помещение камерного типа. Кому повезло — того на кровать, кому не повезло — на пол. А психушку отдали больным ковидом».

«В 21-м году говорили: „Ковида нет, ковида нет“. А потом люди начали... в обмороки падать прямо на построении. Ну, просто стоит мужик — бац, упал. Их начали свозить сначала в санчасть. В санчасти кончились места. Там мест немного. Администрация начала их свозить в ШИЗО».

Свидетельства бывших заключенных указывают на то, что во время пандемии медицинская помощь в колонии часто сводилась к минимальным и формальным мерам. Даже при высокой температуре и тяжелом состоянии лечение могло ограничиваться отдельными препаратами, капельницей и требованием самостоятельно отслеживать температуру.

«Дыхание не слушала, давление не мерила.. Если был озноб, значит, она говорила укрываться одеялом. Мне казалось, что это, скорее, у нее это было дежурное мероприятие, чем желание помочь и оказать реальную помощь. Потому что потом вот эта самая Виолетта мне говорила: „Я бы вам поверила, но...“. Но слышать от врача это „я бы вам поверила“ — так себе».

При этом состояние заболевших не контролировали должным образом: не измеряли сатурацию, не проводили полноценный осмотр, не оценивали риски дыхательной недостаточности и возможного ухудшения. По словам свидетелей, медработники нередко не реагировали на жалобы, а их визиты воспринимались, скорее, как формальная проверка, чем как попытка оказать необходимую помощь.

«Один антибиотик дали мне и говорили температуру мерять каждый день. Я когда в сознание приходил (сознание уходило-приходило), то была температура и 39,8 даже. Когда я такую температуру фиксировал и 18 дней пролежал с ней, понимал: если бы там понадобился аппарат искусственной вентиляции легких, а его просто там не было, я сгорел бы от недостатка кислорода. Сатурацию мне никто не мерил, мне этих процедур никто не делал. Единственное спасение было — это когда в первый день мне капельницу поставили».

Многих при болезни даже не помещали в стационар, люди лечились таблетками, которые приносили им в барак дневальные.

«Сделали добровольно-принудительную прививку от ковида. Когда я болел, выдавали... опять же, сначала мне выдали, а потом уже ходили дневальные, им выдавали для меня таблетки. И пару раз мне давали капли для носа».

«Ой, плохо... температура, насморк, сопли эти текут постоянно. Ибупрофена давали на сутки две или три таблетки. Не хватало, поэтому принимал по полтаблетки. Когда совсем плохо — целую. Ну, и плюс ты на улице постоянно. То есть мне, допустим, с утра как-то более-менее, на ночь выпил таблетку. Утром просыпаешься, вроде, лучше, час на улице — опять потекли сопли, опять температура поднимается».

По словам бывших заключенных, вакцинация в колонии фактически носила принудительный характер. Администрация связывала доступ к длительным свиданиям с наличием прививки: заключенные, которые не проходили вакцинацию, рисковали лишиться возможности встретиться с близкими. Повторную вакцинацию предлагали и позже, в том числе в конце 2022 года.

«Там администрация условия ставит, что если нет прививки, то нет длительных свиданий. Все в принудительном порядке. Когда срок подходил к концу, тоже предлагали делать прививки повторные. Это было в конце 2022 года».

Хронические заболевания — диабет, ВИЧ. Флюорографию, по словам свидетелей, заключенные проходили регулярно и принудительно во избежание распространения туберкулеза. На этом фоне индивидуальные хронические болезни, например диабет, оказывались второстепенными. Заболевания, опасные, прежде всего, для самого заключенного, не вызывали у администрации и врачей такого же внимания.

«Я за все время в лагере нахождения даже уровень сахара не смог померить. Ни разу мне не взяли, так как у меня диабет, а мне надо ежедневно регулировать, чтобы знать, повышать дозу лекарства или не повышать. Там я этого всего лишь был лишен — возможности контролирования уровня глюкозы в крови не было».

«Они больше боятся туберкулеза, поэтому каждые полгода там обязательно, чуть ли не отрядник строил, мол, кто флюорографию не прошел? Все, сегодня не пройдешь флюорографию, поедешь в ШИЗО. Их в основном беспокоило массовые заболевания. То, что передается. А мой личный диабет — это мой лично диабет, их это не интересовало».

Бывшие заключенные вспоминают, что в колонии было **много людей с ВИЧ**. При этом, по их словам, они ходили на промзону вместе со всеми, хотя при наличии острых и режущих предметов такая работа может быть связана с дополнительными рисками, как для самих заключенных, так и для окружающих.

Содержание в колонии людей с инвалидностью, психическими расстройствами и серьезными особенностями здоровья

По рассказам бывших заключенных в ИК-3, колония фактически является местом удержания осужденных людей с инвалидностью и психическими нарушениями, которым в силу их состояния требуется защита, уход и специализированное лечение. Эти люди находятся там в среде, где они особенно уязвимы и беззащитны.

«Инвалиды практически были во всех отрядах. Они передвигались даже, знаете, вот на таких ходиках. Один был слепой. Его водили, он вообще ничего не видел. Мужичку, наверное, лет под 70. Были психически ненормальные люди, понимаете, у которых явно выраженные психические расстройства».

Самый яркий пример — история Дмитрия Гопты, политзаключенного с хромосомным заболеванием и задержкой развития. Он не мог полноценно контролировать физиологические процессы, испытывал серьезные бытовые трудности и нуждался в постоянной помощи. При этом никакой официальной системы опеки за ним, по словам свидетелей, не было. Другой заключенный взял заботу о нем по собственной инициативе, потому что ситуация стала невыносимой, а сам Дима рисковал стать объектом насилия, унижения и эксплуатации со стороны других заключенных.

«Тяжело было вообще наблюдать отношение к нему со стороны ээков. Даже не со стороны администрации. Администрация, наоборот, не трогала его, и была рада, что у него появился опекун. Потому что я за ним смотрел. И смотрел, чтобы его там не объедали, не обворовывали. Хотя все равно находились люди, которые это делали».

Психиатрическая больница

На территории «Витьбы-3» находится психиатрическая больница, куда привозят заключенных пациентов со всей Беларуси.

«Много информации из других зон и вообще из мира мы узнавали благодаря тому, что на территории зоны была психиатрическая лечебница. Это единственная психиатрическая лечебница, куда свозили ээков из других колоний».

«Был случай, когда кто-то приехал с поехавшей „крышей“. Его сразу забрали. Через два часа на больничку пришли за ним. С „Новинок“¹⁷ привезли или откуда-то. Сюда сразу в какой-то там спецкорпус отправили».

В рассказах бывших заключенных также звучат утверждения об избиениях и применении психотропных препаратов к заключенным с психическими проблемами.

«...избивают, закалывают. Я имею ввиду закалывают уколами, психотропными средствами. Это страшно, когда ты видишь. Ведь там содержат инвалидов, их не освобождают, их держат сроками дальше. Нельзя содержать таких людей там. Если человек психические имеет расстройства, как этот Гопта, как можно его вообще там держать?».

Свидетельства указывают на то, что туда могли помещать не только людей с реальными психическими заболеваниями, но и тех, кто был психически здоров. В СМИ уже появлялась информация об этом медицинском учреждении на территории колонии. Один из заключенных, описывает это место как пространство, где целенаправленно ломают людей. По его словам, он видел, как крепкие, физически сильные мужчины не выдерживали и начинали плакать. «Из них делают душевнобольных людей», — говорит он, подчеркивая, что наблюдал это лично и слышал от других¹⁸.

Медицинские последствия пребывания в ИК-3

«Человек же не до конца знает свой организм. Мне повезло в том смысле, что я всего два года отмотал. А я вот сейчас думаю, например, Л., которому 16 лет навесили, он уже безвозвратно, наверное, потерял здоровье».

Из рассказов бывших узников можно сделать вывод, что последствия от заключения и пребывания в ИК-3 для здоровья не сводятся к какой-то одной травме или диагнозу. Как правило, речь идет о накопленном физическом и психосоматическом ущербе, который проявился во время нахождения в колонии, где заключенные не получили должного лечения, и продолжился после освобождения. Особенно уязвимыми оказываются заключенные с длительными сроками, для которых отсутствие медицинской помощи приводит к необратимым последствиям для здоровья.

[17] «Новинки» – так в быту часто называют Республиканский научно-практический центр психического здоровья под Минском.

[18] История бывшего политзаключенного Сергея Соболевского, который пережил в колонии инсульт и вышел с онкологией: <https://ru.belsat.eu/81111912/istoriya-byvshego-zaklyuchennogo-vitby-sergeya-sobolevskogo-kotoryj-perezhil-na-zone-insult-i-vyshel-s-onkologiej>

Так, один из бывших заключенных описывает ряд изменений в состоянии его организма: резкую потерю веса на 30 килограммов, признаки обезвоживания, проблемы с коленями, нарушение работы вестибулярного аппарата.

«...стандартные болезни. Вестибулярный аппарат нарушается, потому что ты три года ходишь пешком, а потом садишься в общественный транспорт и тебя укачивает. Но это у тех, кто долго сидел, стандартная тема. Организм был обезвожен. Там постоянно пьешь чай, кофе... Ну, и колени у меня болят».

Также он рассказывает о более тяжелых медицинских последствиях. На нервной почве у него появился псориаз. По телу воспалились язвы, сопровождавшиеся сильным зудом и расчесами до крови. Возникли боли в желудке, периодическая изжога, инфекция *Helicobacter pylori* и расстройство ЖКТ. У этого же бывшего политзаключенного в колонии развилось и варикозное расширение вен, из-за чего после освобождения ему потребовалась срочная операция по удалению вен на ногах.

У другого свидетеля последствия заключения проявились, прежде всего, через развитие саркоидоза¹⁹, а также через резкое ухудшение состояния зубов. Сам он связывает эти изменения со стрессом.

«Из-за стресса, видимо, проблемы с зубами появились. То есть до этого были все зубы свои, полностью здоровые, никогда в своей жизни не обращался к стоматологам. А за 3 года это все очень быстро у меня сошло на нет. Какие-то зубы пришлось удалить».

В целом свидетельства бывших заключенных показывают, что после заключения они выходили с ухудшившимся общим состоянием: хроническими или обострившимися заболеваниями (диабет), последствиями пребывания в условиях ШИЗО, длительного стояния, вредной среды (болезни почек, сосудов, суставов), а также с тревожностью, паническими атаками, бессонницей и навязчивыми воспоминаниями. Медицинские проблемы им приходилось решать уже после освобождения, в том числе через срочные операции и обращение к профильным врачам.

Смерти в колонии

«Это преступление. Я помню нескольких заключенных, которые умерли именно потому, что им вовремя не была оказана медицинская помощь».

[19] Саркоидоз – это воспалительное заболевание, при котором в разных органах образуются маленькие скопления воспалительных клеток, их называют гранулемами. Обычно считается, что это сбой иммунной реакции: организм слишком активно отвечает на какой-то триггер, например инфекцию, пыль, химические вещества или другой фактор среды.

Информация о смертях в местах лишения свободы всячески скрывается. После 2020 года ИК-3 фигурирует в нескольких сообщениях о смертях заключенных, включая, как минимум, двух политзаключенных.

«– А сколько было смертей за время вашего пребывания? — На „тройке“, по-моему, четверо человек».

Вот только те смертельные случаи в ИК-3, о которых нам известно по состоянию на момент подготовки расследования:

- 1. Николай Климович**, 61 год. Умер в ИК-3 в мае 2023 года. Он был политзаключенным, осужденным на год колонии по делу об «оскорблении Лукашенко», из-за карикатуры. У него была инвалидность II группы из-за заболевания сердца. После суда его отправили отбывать срок в ИК-3, а 7 мая стало известно о его смерти в колонии.
- 2. Вадим Храсько**, 50 лет. Умер в ИК-3 в ночь с 8 на 9 января 2024 года. Был осужден за донаты, имел тяжелое заболевание. В заключении сильно болел, но официальной причиной смерти стала пневмония. Его доставили в больницу, когда спасти ему жизнь было уже невозможно.
3. Еще один 54-летний заключенный (точное имя не установлено, о нем известно из показаний свидетелей) умер 25 августа 2024 года. Как рассказали свидетели, мужчина находился в ИК-3 около десяти лет. До освобождения ему оставалось меньше года. Его доставили в витебскую больницу в критическом состоянии, но спасти не удалось.
4. Также есть свидетельства о смерти 50-летнего гражданина России (его имя тоже достоверно не известно). Но есть данные, что в конце декабря 2024 года он совершил суицид в ИК-3. По данным наших свидетелей, мужчина был осужден на 16 лет по «наркотической» статье и просил перевести его в Россию для отбывания наказания, но получил отказ. Его нашли мертвым после ночной проверки.

Многие заключенные считают, что смерти в колониях нельзя объяснять только естественными причинами. Ответственность за них они возлагают на руководство учреждения. По их словам, жестокие условия содержания в колонии и бесчеловечная система «исправления» построены так, чтобы полностью подавлять человека, не учитывая его индивидуальные особенности, физическое состояние и психическое здоровье.

«Может быть, Старовойтов не самый страшный человек среди них. Но я видел последствия его решений. Закрывать людей в ШИЗО на 30 суток или в помещение камерного типа, где люди сидят по полгода, это же пытка. Не только пытка, это лишение здоровья. Неоказание медицинской помощи, когда люди умирали от каких-то болезней. Это разве не преступление?».

«...Там в [колонии] умирало достаточное количество людей. Я был свидетелем, когда раковый умирающий больной лежал в санчасти. На КП была его семья, были последние его минуты, и даже в последних минутах его жизни мать, семью не пустили попрощаться с ним. Представляете, это было ... [интервьюируемый не смог сдержать эмоции и заплакал]».

Особенно показателен случай Вадима Храсько, умершего от пневмонии из-за того, что в больницу его доставили слишком поздно.

*«Сейчас вот умерло несколько политзаключенных. Один умер от пневмонии, и я знаю почему он умер. Потому что врачам было нас*ать. Просто они не хотели класть его [в санчасть]. Я мог бы умереть тоже от пневмонии, если бы не выбил себе сделать снимок. Если бы не добился сам, не пошел с температурой 40, и не стал стучать в эти двери, условно говоря, чтобы мне сделали этот снимок. Мой организм выдержал, а у этого человека организм не выдержал...».*

Заключенные описывают смерти в колонии как результат не столько тяжелых заболеваний, сколько системного промедления, отказов в лечении и подмены медицинской помощи простым снятием симптомов. Из их рассказов следует, что даже сравнительно простая проблема могла становиться опасной для жизни из-за того, что на нее вовремя не реагировали.

«Он должен был отделять провода от резины. У него какая-то сыпь страшная пошла на руках... Люди теряют здоровье, у них начинаются какие-то болезни. Их от этих болезней не лечат. Им в лучшем случае дают обезболивающее, снимают симптомы и все, дальше — обратно на промзону. Поэтому смерть в колонии — это довольно обычная вещь».

Один из примеров — воспаление зуба под коронкой. По словам свидетеля, ситуацию можно было быстро решить стоматологически, но вместо этого ее довели до тяжелого флюса и экстренной госпитализации.

«Ну, например, тот же француз. У него заболел зуб к его несчастью. Надо было просто снять эту коронку, почистить зуб. Вопрос трех минут. Они сделали из этого цирк, что у человека просто вот такой флюс возник. Его пришлось экстренно госпитализировать, везти его в город. А если бы его в город не увезли, то гной мог бы вообще там перекинуться на мозг. И все, и кранты...».

Другой пример касается заключенных, которым необходимы специальные препараты. Родственники могут купить и прислать лекарства, но администрация отказывается выдавать их, потому что они не входят в перечень разрешенных средств.

«Человеку нужны специальные таблетки, которые могут родственники прислать с воли. Администрация не дает разрешения на эти таблетки, потому что их нет в перечне разрешенных лекарственных средств. Поэтому „нет, извините, мы их не будем принимать“. Человек умирает».

На основании свидетельств бывших заключенных ИК-3 можно отметить следующих медицинских работников и особенности их работы.

1. Главный врач по фамилии Романов (имя установить не удалось) обладает ключевыми полномочиями: принимает решения о допуске лекарств, медицинских показаниях и изменении условий содержания. Характеризуется как человек, от которого напрямую зависит доступ к лечению. По словам заключенных, как правило, его решения носят субъективный и избирательный характер. Отмечаются отказы в предоставлении необходимых лекарственных препаратов даже при наличии показаний.

«Главврача этого там называли доктором Менгеле, потому что он абсолютно неадекватный, некомпетентный и не соответствует... никаким образом своей должности и вообще профессии».

«Сколько раз было: ребятам, которые с температурой или сердечники, которым противопоказано находиться в таких условиях, писал этот врач Романов, начальник медчасти: „Все нормально, жив-здоров, можно сажать в штрафной изолятор“».

2. Стоматолог (ее имя и фамилию установить не удалось) фактически не осуществляет лечение, не проводит полноценных осмотров. Медицинская помощь ограничивается удалением зубов на поздних стадиях, при этом отмечается низкое качество помощи и возникновение осложнений.

«Она не лечит людей, когда люди к ней приходят по острой боли, а усаживает их в кресло и уходила куда-то. Через 15 минут приходила и говорила: „Приходите ко мне через месяц». Без осмотра, без каких-либо вопросов. Когда начинается воспаление, она просто вырывает зуб. Причем очень непрофессионально, с последствиями. В общем, это два человека, к которым на прием лучше не попадать».

3. Терапевт Дмитрий (фамилию установить не удалось). Упоминается как один из двух терапевтов, выполняющих базовые функции приема. Бывшие заключенные отмечают его полную некомпетентность в лечении пациентов.

«Второй настолько некомпетентен... Он открытым текстом мне заявил: „А что бы вы себе назначили в этом случае?“. Я был шокирован такими его вопросами. И так было у всех. И мое счастье, что у меня не было никаких проблем, кроме каких-то простых заболеваний, ничего в общем серьезного».

4. Терапевт Виолетта (фамилию установить не удалось) выполняет функции общего приема. Характеризуется как грубый, некомпетентный врач.

«Она просто ненавидит заключенных, очень грубо общается, не принимает во внимание жалобы пациентов на здоровье».

«То есть сначала надо было пойти к врачу, получить назначение, выбить назначение, вымолить это назначение. В случае с Виолеттой это было практически невозможно, если ты попадал на Дмитрия, есть шанс. То можно было выпросить у него, убедить его, что тебе эти препараты нужны».

5. Медсестры — средний медицинский персонал. По рассказам бывших заключенных, они выполняли свои функции в соответствии с полномочиями. Однако некоторые заключенные вспоминают, что лечение становилось для них недоступным именно из-за каких-то бюрократических процедур и субъективных решений среднего медицинского персонала.

«Медсестры относились не то, чтобы с пониманием, просто... выполняли свою работу и все».

«Но по факту это зависело от того, есть ли настроение у старшей медсестры открывать и работать на выдаче этих личных препаратов или нет. И их было очень сложно получить».

СОТРУДНИКИ КОЛОНИИ: «КОГДА ЗНАЕШЬ ЭТУ МЕРЗОСТЬ, КОТОРУЮ ОНИ ТВОРЯТ ИЛИ ПРИКАЗЫВАЮТ ТВОРИТЬ, МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ»

«Есть еще один факт избиения осужденного. Это не политзаключенный, а обычный зэк. Он возмущился беспределу со стороны администрации со стороны завхозов в своем отряде. И его били прямо в кабинете по назначению, где комиссии проходят. Били его Стурченко и Федченко, и кто-то там еще. И били весьма нехерово. В штрафном изоляторе у тебя нет никакой коммуникации, а единственный момент, когда ты пересекаешься с другими осужденными, это раз в неделю во время душа. Ребята рассказывали, что он был весь синий».

Из показаний бывшего заключенного

Персонал ИК-3 представлен должностными лицами, проходящими службу в структуре Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее — ДИН). Штат учреждения состоит из аттестованных сотрудников Министерства внутренних дел и гражданского персонала, ответственного за техническое обеспечение и жизнедеятельность колонии (государственные гражданские служащие). Согласно законодательству Республики Беларусь и кодексам корпоративного поведения, на каждого работника возложена обязанность неукоснительно соблюдать нормы профессиональной этики, правовые и моральные стандарты, соответствующие их официальному статусу.

В ИК-3 выстроена жесткая служебная иерархия, типичная для системы ДИН и основанная на субординации званий и должностей. Данная вертикаль власти предполагает беспрекословное выполнение рядовым составом любых распоряжений и приказов администрации учреждения.

В рамках настоящего расследования были зафиксированы систематические факты совершения преступлений, актов бесчеловечного обращения, а также аморальных и непрофессиональных поступков. Данные действия допускались как представителями руководящего звена ИК-3, так и рядовыми сотрудниками.

Начальник колонии и его заместители

«Самый страшный человек, который там был, это конечно, полковник Старовойтов, начальник колонии. Вроде как, они там все офицеры, Родину защищают, да? Но когда знаешь эту мерзость, которую они творят или приказывают творить, молчать нельзя. Поэтому я не буду осуждать этих людей, я буду осуждать их поступки. А поступки у них были разные».

В силу специфики иерархического устройства учреждения, весь личный состав ИК-3 находится в прямом подчинении начальника и его заместителей. Любые нарушения прав человека в стенах колонии происходят либо по прямой директиве администрации, либо при ее молчаливом одобрении. Именно руководство учреждения формирует вектор на создание условий содержания, носящих пыточный характер и направленных на подавление достоинства осужденных, — в первую очередь тех, кто преследуется по политическим мотивам.

Администрация колонии выступает непосредственным исполнителем установок авторитарного режима по давлению на политических заключенных. Реализация этих задач обеспечивается через систему формальных и неформальных приказов, а также поддержание жесткой дисциплины среди подчиненных сотрудников.

Начальник колонии (как действующий, так и занимавший этот пост ранее), являясь высшим должностным лицом в иерархии учреждения, несет персональную ответственность за применение пыток, жестокое и унижающее обращение, а также за создание ненадлежащих условий содержания в ИК-3.

Старовойтов Алексей Михайлович

Должность: бывший начальник колонии.

Дата рождения: 1977-07-29

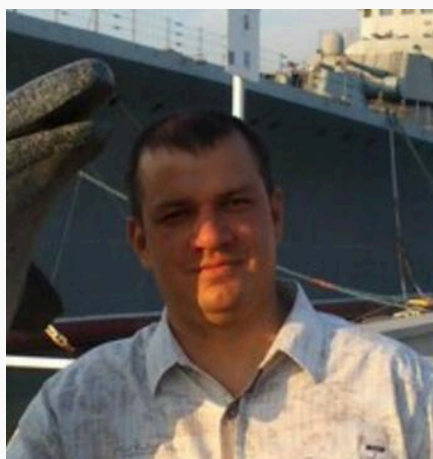
«Знакомство с ним случилось на распределении по отрядам, он орал на меня диким матом при всех, как я посмел совершить [преступление по приговору]. И сказал, что если он хоть раз услышит обо мне, то все, у меня здесь не будет спокойной жизни, закончу я в тюрьме под крышей».

«Как человек он был ужасный. Постоянный крик, постоянные какие-то угрозы».

«Свадебный генерал, обязанностью которого было встречать различные комиссии, экскурсии, проводить, показывать им свою вотчину, он был в этой колонии уже давно. Я даже не знаю, сколько, он вырос оттуда, изначально пришел туда контролером и вырос до полковника. Я знаю случай, когда по его приказанию был избит политзаключенный».

«Старовойтов, как по мне, был потихоньку спивающийся такой представитель силовых структур».

«23 февраля новость вышла, что умер бывший начальник колонии. На сайте написано, что причина смерти неизвестна. Они все бухают, как лошади, на самом деле, бухают, курят и понятно, что их мало кто любит».

Стурченко Филипп Владимирович

Должность: начальник колонии.

Дата рождения: 1977-01-01

[20] Алексей Старовойтов работал в ИК-3 с 1998 года, пройдя путь от контролера до начальника учреждения. Колонию он возглавлял около пяти лет и оставался ее начальником до лета 2023 года, после чего его сменил Филипп Стурченко.

«С марта 2023 года назначили Стурченко. Он пришел из Витебского СИЗО, где он был зам по РОП. Все, кто был в этом Витебском СИЗО, говорили про него очень плохо. В целом так и произошло. Он человек очень жесткий. Скорее, даже жестокий, мстительный».

«Стурченко когда пришел на должность начальника колонии, ужесточил условия пребывания для всех заключенных в колонии. Там постоянно происходит всякая дичь. Они придумывают сами себе занятия. При Стурченко перестали подписывать заявления на короткие свидания с не родственниками. Начались более частые проверки политзаключенных. А потом было выбито финансирование на установку видеокамер везде, где только можно, в том числе в бараках. И жизнь стала намного сложнее. Стало проблематично где-то отдохнуть, полежать, позаниматься спортом...».

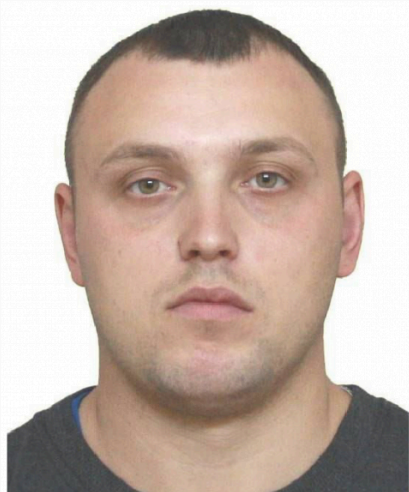
«Выглядел Стурченко весьма отвратно. Видно, что человек нормально прикладывает к бутылке. Участились проверки политзаключенных».

«Человек подлый, мстительный, такой жесткий, и все только ждали, чтобы он ушел на пенсию полковничью: и сотрудники, и все заключенные».

«Очень много было людей, чью он решал судьбу. Практически он никому не решал в плюс. Когда комиссия по какому-нибудь УД, или комиссия по переводу куда-то в другое, на более мягкий режим, он ко всем относился очень жестко. Очень мало кому шел навстречу».

«Если политические заключенные попадали к Стурченко на комиссию по наказанию — это однозначно ШИЗО. То есть, девять из десяти, что это будет ШИЗО».

«Он сидит весь... Роба красная, пытит. Рядом сидит этот Федченко, и просто отвернулся и смеется, его трясет от смеха. Он не любил этого Стурченко. И он реально прикалывался с того, что кто-то ему в глаза рубанул правду-матку».

Федченко Денис Николаевич

Должность: заместитель начальника колонии по режимно-оперативной работе.

Дата рождения: 1988-09-24

«...он вполне мог без объяснения причин не давать свидания, звонков, а в определенных случаях даже принимал решение, кого закрыть в штрафном изоляторе, к кому прийти и написать кучу нарушений. Все практически делалось через него».

«Федченко был фактическим начальником колонии. Все вопросы зависели от него. Даже чтобы получить то, на что ты по закону имеешь право, без каких-либо вопросов, нужно было записываться к нему на прием и объяснять, просить у него разрешения. Например, на получение длительного свидания, которое положено всем без исключения, независимо от профучета и его отсутствия. На звонки по видеосвязи, которые точно также положены всем без каких-либо ограничений. Вот он такой царь и бог колонии».

«Федченко, он очень такой хитрый человек. Он никогда своими руками наказание делать не будет. Он это перенаправит к какому-то своему сотруднику на ранг ниже, чтобы он в глазах заключенных выглядел красиво, чтобы на него никто не мог подумать. Он очень хитрый человек, очень умный насчет этого, понимает психологию и этим манипулирует».

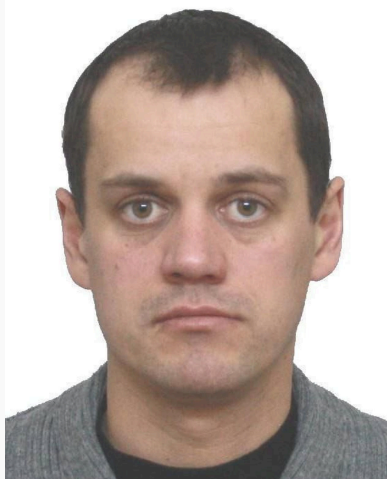

Игнатовский Константин Владимирович

Должность: заместитель начальника колонии по воспитательной и идеологической работе.

Дата рождения: 1981-03-13

«Дело в том, что она-то, иерархия есть, но у них каждый отдел тянет одеяло сам на себя. Есть начальник колонии, которому подчиняются все. Есть замначальника по режимно-оперативной работе, которому подчиняются, опять же, все. Плюс, есть еще начальник исправительного процесса, или в простонародье его называют замполит. Он как бы отдельно, ему тоже подчиняются все. Конкретно в колонии, там были постоянные контры у них с тем же заместителем по режимно-оперативной работе, с тем же Федченко. Игнатовский и Федченко. У них там постоянно какие-то разногласия были. Один разрешал, второй запрещал. Один запрещал, второй разрешал».

Красовский Дмитрий Анатольевич

Должность: заместитель начальника по исправительному процессу

Дата рождения: 1980-05-06

«Тоже такой довольно специфический человек и довольно жестокий. Он может и не избивал никого, при мне точно. Но для него закрыть человека в ШИЗО было проще простого. Дело настроения, дело случая».

«Красовский делал все, что касается воспитательной работы. Это идеологические какие-то постановки. У нас в колонии были по субботам и воскресеньям просмотры телепередач какие-то, фильмов патриотических. Он выбирал эти фильмы, ставил какие-то постановки, просто выводил разговаривать. С кем-то проводить идеологическую работу».

«Красовский вспыльчивый и тоже жестокий. Учитывая, за что он людей сажал в штрафной изолятор, то иногда просто перед тем, как посадить, то должно быть разбирательство и назначают наказание. А он мог просто завести в штрафной изолятор вечером, по собственному желанию».

«Просто человек шел в строю, не на месте, где он должен стоять. Он это увидел издали, специально подошел. Вытянул его из строя, назвал по фамилии и сказал: „Пойдешь со мной!“. И сразу заводил его на КП, а с КП его уже переводили в штрафной изолятор».

«Единственный раз, когда я закусился с Красовским... Ему не понравилось, как я встал, когда он зашел. Когда заходит сотрудник администрации, то все должны встать. Он сказал, что я недостаточно быстро встал, что я сплю сильно. И поэтому меня отправил подметать улицу».

Оперативники

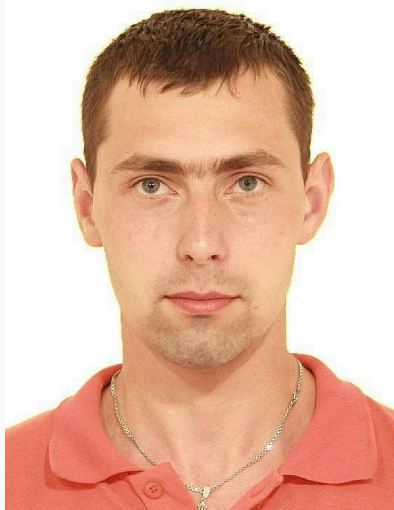
Согласно нормативным актам, оперативный состав ИК-3 обязан осуществлять оперативно-розыскную деятельность, направленную на предупреждение, выявление и раскрытие преступлений как уже новых, так и прошлых лет, а также на обеспечение внутреннего правопорядка и профилактику нарушений среди осужденных.

В ходе данного расследования экспертами установлено, что вместо выполнения своих законных функций оперативные сотрудники вовлечены в систематические репрессии политических заключенных. Их деятельность сводится к фальсификации дисциплинарных проступков, психологическому давлению, запугиванию и иным актам бесчеловечного обращения с целью подавления воли заключенных и необоснованного привлечения их к ответственности. Кроме того, в ходе расследования были выявлены случаи применения физического насилия к заключенным.

«Я помню фамилии всех оперативников. Спиридонов Владислав Владимирович. Второй — Соловьев Антон Михайлович. Третий — Терешко Роман Леонидович. Четвертый — помню только фамилию, Андреев. Бывало, они выписывали мне какие-то нарушения. Когда политические ходили на скайп звонить, у нас часто этот скайп срывался и переносился, потому что оперативник Спиридонов, который должен это делать, этого не делал».

«Сами заключенные делают друг другу гадости через оперативников. Очень часто не оперативники стимулируют тебя там стучать или прийти и просить сделать кому-то гадость. А для оперативников это — ну, да, пожалуйста, почему нет? Ты мой человек, ты мне приносишь пользу, ну, ты так хочешь, ну давай».

«Начальник оперативного отдела чаще всего не участвует в обычной жизни осужденных. И следующим идет оперативный сотрудник, который закреплен за отрядом. И вот он реально решает твою судьбу. То есть, ты с ним знакомишься, он выясняет, кто ты, что ты, какие у тебя взгляды, какие у тебя намерения на ближайшие несколько лет или часть срока, которую тебе там сидеть. И от этого зависит твое дальнейшее там пребывание».

Голубев Сергей Александрович

Должность: начальник оперативного отдела.

Дата рождения: 1989-03-20

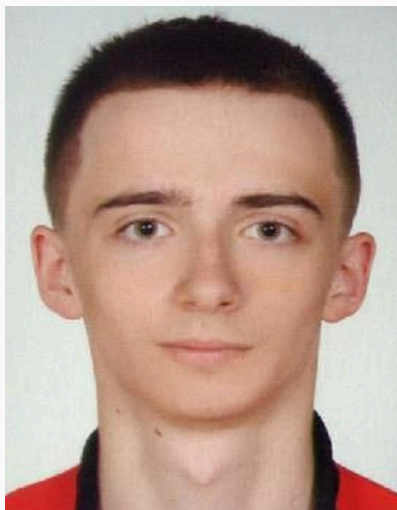
«Нормальных людей в Беларуси начальникам оперотдела не поставят. Весь набор у него — подлость, хитрость. В глаза будет тебе говорить одно, делать другое. Это для оперативников классика».

«Редкая мразь. Делал из себя вид, что он идейный, возможно, он и был идейным „ябацькай“. Для него отправить человека в штрафной изолятор либо раскрутить на 411-ю — вообще как два пальца. Маленький, невысокого роста, очень худой. Это, наверное, один из немногих сотрудников, с которым диалога особо никогда не получалось построить».

«Те, кто были бригадиры на промке, которые под ним были, которых знаю, парни говорили: „О, это люди Голубева“. Они вообще делали в зоне, что хотели. И понятно, что ты переходишь им дорогу, они идут, говорят Голубеву, и ты хоп, 2 дня проходит, поехал в ШИЗО, потом перевод в другой отряд, потом поменяли промзону на самую худшую, еще что-то, положили около входа или около туалета».

«Голубев очень агрессивный, маленький, щупленький и закомплексованный. От него была агрессия, оскорбления, нанесение ударов. Самые такие безобидные у него унижения типа „змагар“, „протестун“».

«Мне иногда казалось, что он нас просто ненавидел. Он начальник оперотдела, он должен искать еще преступления, он должен подписывать людей на сотрудничество, он должен плести какие-то интриги, чтобы узнать что-то новое. На „крестинах“, если осужденный там что-то сделал не так, то он всегда ратовал за штрафной изолятор, если дело касалось политзаключенного».

Спиридонов Владислав Владимирович

Должность: оперативный сотрудник ИК-3.

Дата рождения: 1997-03-25

«И меня пришел проверять начальник оперативной части Голубев и его подчиненный, вот этот Спиридонов, которые меня в камере избивали, когда меня били шокером».

«И в какой-то момент меня позвали к оперативному сотруднику [Спиридонову], который сказал, что я навожу свои движения, что меня слушают, а ему это не нравится. И поэтому, если я не прекращу, то я поеду в карцер. На что я ответил, что мои движения, наоборот, способствуют порядку. Но давайте-ка вы уже начинайте нам давать видеозвонки и свидания и все остальное. Тогда он сказал: „Идите в ‚низкий статус‘, в ‚петухи‘, идите убирайте туалеты, тогда получите длительные свидания“. Молодой парень, дико ненавидящий политзаключенных, с его же слов».

«Спиридонов. Пацаны все к нему с очень большим негативом. На самом деле, он из довольно состоятельной семьи, и он так работает, я даже не знаю, для чего. Он очень с зэками много являлся. Много они там делали, и вся колония это знала, и Федченко это знал. Я это Федченко говорил: „Вы в курсе, что у вас есть завхозы, которые продают свидания, которые продают посылки, хорошие места для сна, и в этом участвует и оперативник ваш, а вы это не пресекаете“. Он пытался раскидать этих вот, но на Спиридонова это никак не распространялось, его никто никак не наказывал, могли поменять активистов, кто этим занимался, создать им проблемы...».

«Спиридонов — это дите обиженное. Может быть, по юности где-то его обижали, и решил он таким способом, службой своей реабилитироваться. Он из тех людей, которым дана капля власти, он думает, что он способен весь мир перевернуть. Очень молодой, чувствует себя в этой форме как будто супермен в броне. Он был одним из тех, кто больше всего оказывал какое-то физическое воздействие. Сам-то он по себе такой, ну, небольшой, маленький, худенький, щупленький. Возможно, комплекс какой-то есть. Поэтому по отношению ко мне он больше всех, ну, скажем так, более агрессивно себя вел, в отличие от всех остальных».

Терешко Роман Леонидович

Должность: оперативный сотрудник ИК-3

Дата рождения: 1994-10-12

«Он с виду спокойный, добрый, но на самом деле гнобил политических. Мониторил, чтобы у него все политические через ШИЗО проходили, в общем, то есть, он держал нас в тонусе. Относился довольно жестко».

«Изначально у нас с ним не задалась отношения. Это он мне угрожал, что у меня не будет свиданий и видеозвонков. Потом, если можно так сказать, выровнялись отношения».

Соловьев Антон Михайлович

Должность: оперативный сотрудник ИК-3.

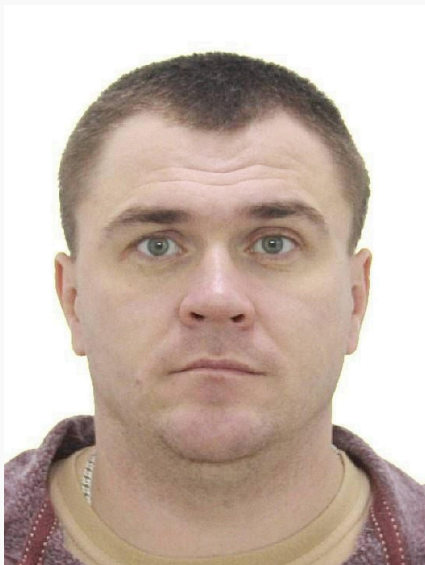
Дата рождения: 1993-11-12

«Самый гадкий из них — Соловей. По его воле очень много хороших ребят закрыли и в помещение камерного типа и перевели потом на тюрьму».

«Соловьев — странный человек. Вроде бы, он к политическим не испытывал какой-то прямой ненависти или агрессии. То есть, он старался все делать по ПВР, по правилам в белорусской зоне — получалось это жестко. Поэтому Соловьева ненавидели там многие. И ничего хорошего я про него сказать не могу».

«Эмоционально нестабильный, обидчивый, закомплексованный. У него фамилию, по-моему, то ли Соловейчик, то ли Соловьев, не помню точно. И он очень сильно обижался, когда его называли Соловей».

Кирик Сергей Мечеславович

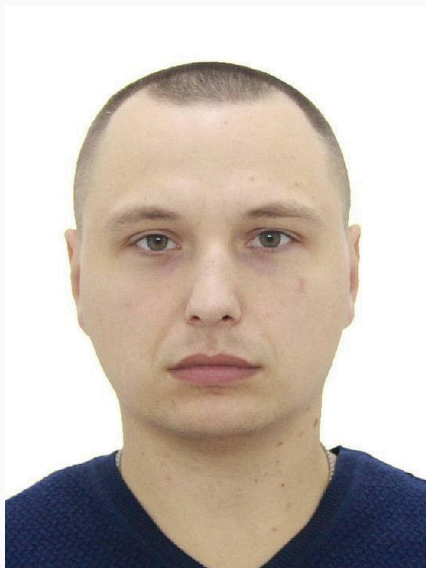
Должность: начальник режимного отдела.

Дата рождения: 1986-11-06

«Режимники — это люди, которые тоже пьют кровь у обычных, как и опера. В нашем случае начальником режимного отдела был Кирик. Один из самых неадекватных людей, которых я встречал вообще в колонии. Это выражалось в его грубом и жестком стиле общения, панибратстве, без лишних фамильярностей».

«И он придирался ко всему. Если ты не так идешь, пуговица не застегнута или где-то что-то у тебя торчит не так. Блокнотик выглядывает из кармана, можно было носить с собой блокнотик, но если он выглядывает из кармана, то он мог посчитать это за нарушение. Если ты ему чем-то не понравился, он выписывает тебе нарушение за то, что ты небритый и так далее».

«Быдло, матерщинник, неуравновешенный. Бывали случаи, когда он составлял рапорта. Составлял рапорта, и люди ездили в штрафной изолятор, в том числе и политзаключенные. Собственно, неприятная личность, облеченная властью».

Хиневич Дмитрий Владимирович

Должность: сотрудник режимного отдела.

Дата рождения: 1993-04-02

«А Тарасенко и Хиневич — упыри. По-другому их не назвать. Чуть что — бумага. К политическим жесточайшее отношение. Допустим, два человека в чем-то вляпались, отжимаются на сушилке. Ага, ты политический, ты обычный. Обычный — иди, политическому — бумага».

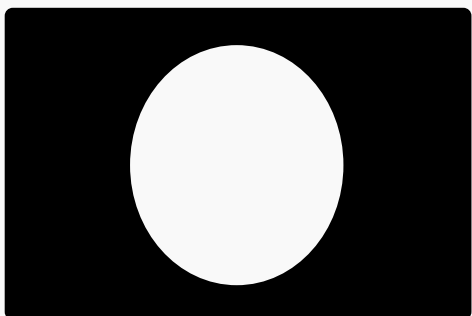
«Хиневич как-то нашел у дедули одного просто рисунок Лукашенко в тетрадке, в какой-то карикатурной форме — увезли на крытую тюрьму».

«Хиневич — это упырь, просто упырь, который людей прессовал, придирался. Тарасенко такой же. Если надо было сделать какой-то обыск, какую-то подлость, гадость, они с удовольствием это делали, что Хиневич, что Тарасенко. У меня на въезде в колонию Тарасенко забрал все вещи, даже черные, или пофиг какие. Я в карантин поехал голый — только трусы, носки, одна майка без рукавов и одни спортивные штаны черные оставил, и все. Я так мерз там».

«Урод редкостный. Мы там из дерева выпиливали себе доски из дерева, чтобы могли на них нарезать продукты или еще что-то. Про это все знали, но особо никогда не обращали внимание. Он зарвался, ему что-то не понравилось. Он просто подоставал все эти доски, где находил, клал на порог и ногами переламывал. Кружки эти пластмассовые мог поставить и ногой растоптать».

Иные сотрудники

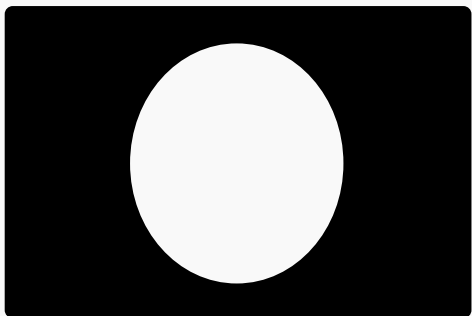
Дежурный помощник начальника колонии (ДПНК). В системе внутреннего контроля исправительного учреждения ДПНК отведена ключевая роль: на них возложен надзор за соблюдением общего порядка и контроль за поведением осужденных в рамках установленного режима. Фактически в условиях ИК-3 данная категория должностных лиц является инструментом постоянного давления на политических заключенных. Участие ДПНК в репрессиях носит комплексный характер: от инициации надуманных дисциплинарных производств (составления фиктивных рапортов) до непосредственного применения актов насилия.

Циркунов Денис Николаевич (установить фото и точную дату рождения не удалось)

Должность: дежурный помощник начальника колонии

«Циркунов, тоже из ДПНК был такой, ну, нехороший. Он также мог выполнять любые гадкие поручения. Говорили, что и в ШИЗО спокойно мог избить если надо, то есть, приложить физические силы. Другие несколько начальников ДПНК были вежливые ребята и очень адекватные, реально такие. Вот с ними, когда были их смены, прямо люди там смотрели — о, сегодня можно договориться по спорту что-то, сегодня хороший ДПНК, нормальный. А вот эти Циркунов, Лаберко — это были такие, ну, нехорошие люди».

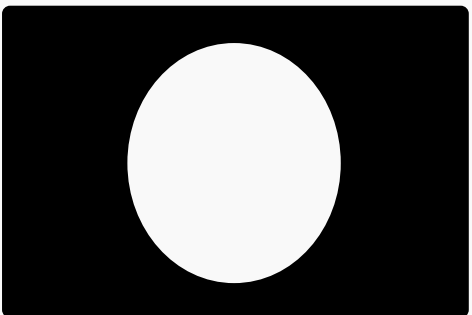

Лаберко (установить полное имя, фото и точную дату рождения не удалось)

Должность: дежурный помощник начальника колонии.

«Был такой Лаберко. Он был нехороший. Он и к политическим относился довольно негативно, и придирался к людям. В ШИЗО писал бумаги с удовольствием. В ШИЗО выполнял такие поручения как надо прийти и сделать вид, что ты нашел грязь, и тогда человеку выписать бумагу. Он с удовольствием это делал».

«Отрядники». Начальники отрядов — офицеры ДИН, в чьи прямые обязанности входит реализация исправительного процесса и контроль за осужденными непосредственно в местах их проживания (отрядах). На практике же «отрядники» выступают низовым звеном репрессивного аппарата. В отношении лиц, отбывающих наказание по политическим мотивам, они фактически исполняют роль надзирателей, ответственных за создание атмосферы непрерывного давления и реализацию карательных мер на повседневном уровне.

Барсуков Антон Михайлович (установить фото не удалось)

Должность: начальник отряда.

Дата рождения: 1998-10-14

*«Есть сотрудник такой, Барсуков Антон Михайлович, отрядник отряда номер 7. На промзоне он был, а еще на швейном цеху еще работал. Мы вышли на улицу, только он и я был, никого больше не было. Сказал: „Смотри, какая фигня. По БЧБ отстрел не прекратится. Ты же не хочешь на ШИЗО постоянно ездить, на**й тебе эти проблемы?“. Угрожал мне, что из-под крыши не выйду. „Тебе надо подписать соглашение о сотрудничестве с администрацией. Если ты этого не сделаешь, то, чувак, сам понимаешь, отстрел не прекратится, тебе пи*да будет“».*

ВЫВОДЫ

«Написал, что он незаконно осужденный, и не принимает эти условия. И на распределении [в отряд] ныне покойный Старовойтов начал на него орать. На что М. спокойно ответил: “Вы тут сильно не выпендривайтесь! Нам вас еще потом судить”».

Из показаний бывшего заключенного

Свидетельства бывших заключенных позволяют говорить о том, исправительная колония №3 в Витебске, которая ранее могла восприниматься как «образцовая» или относительно благополучная колония, что после 2020 года фактически превратилась в место целенаправленного давления на политических заключенных.

По словам свидетелей, это стало результатом управленческой политики руководства колонии — как бывшего начальника Алексея Старовойтова, так и сменившего его Филиппа Стурченко. При них режим содержания стал использоваться не только для исполнения наказания, но и как инструмент подавления, изоляции и унижения людей, осужденных по политически мотивированным делам.

При этом, несмотря на особый статус учреждения, где содержатся бывшие представители власти, к политическим заключенным применяются особенно жесткие ограничения.

Недостаточное питание, зависимость от посылок, тяжелые бытовые условия и постоянное давление на заключенного складываются в целостную и последовательную систему, направленную на истощение и подавление человека. Люди без поддержки родственников, заключенные с психологическими/психическими проблемами, инвалиды, иностранцы, оказываются в колонии в особенно уязвимом положении.

Бывшие заключенные свидетельствуют о крайне тяжелых условиях принудительного труда в колонии. Он используется здесь прежде всего как инструмент давления, наказания и подчинения, а не как средство профессиональной адаптации или ресоциализации. Наиболее тяжелые и вредные работы систематически поручаются тем, кого администрация считает нелояльным, то есть, политзаключенным.

При этом условия труда характеризуются отсутствием элементарной техники безопасности, защитных средств, исправного оборудования и полноценной медицинской помощи при травмах. Производственные травмы и заболевания воспринимаются как неизбежная часть повседневности, а попытки отказаться от опасной или внеурочной работы сопровождаются угрозами ШИЗО и дисциплинарного наказания.

Длительное содержание в ШИЗО отражается на физическом и ментальном состоянии осужденных. Многие заключенные после ШИЗО теряли вес, испытывали эмоциональное истощение.

Как и в целом в пенитенциарной системе Беларуси, здесь действуют строгие ограничения на денежные переводы и получение передач от лиц, не являющихся близкими родственниками. Система коммуникации заключенных с внешним миром в ИК-3 фактически функционирует как механизм изоляции и дополнительного психологического давления. Несмотря на формальное наличие права на переписку, звонки, свидания и юридическую помощь, доступ к ним зависит не столько от установленных правил, сколько от усмотрения администрации и оперативных сотрудников. Цензура писем, исчезновение корреспонденции, ограничения на контакты с людьми вне круга близких родственников, прослушивание разговоров и препятствование встречам с адвокатами создают атмосферу полной подконтрольности любой коммуникации. Особенно показательно, что связь с семьей и возможность увидеть близких превращаются в инструмент дисциплинарного воздействия.

Регулярные обыски с полным раздеванием, бессмысленные построения и контроль за малейшими действиями, бесчеловечные условия содержания в ШИЗО и ПКТ доводят заключенных до психологических срывов и мыслей о суициде и членовредительстве.

Медицинская служба в исправительном учреждении № 3, как и в других исправительных учреждениях пенитенциарной системы страны, встроена в систему исполнения наказаний и подчинена ее логике — приоритетам безопасности, контроля и административной управляемости. В результате медицинское подразделение колонии функционирует не как автономная структура здравоохранения, а как часть пенитенциарной инфраструктуры.

По словам свидетелей, сотрудники медчасти относятся к заключенным грубо и пренебрежительно. Причем они подчеркивают, что это касается не только политзаключенных, а общей практики отношения к заключенным в колонии, за исключением приближенных к администрации.

В целом свидетельства показывают, что медицинская помощь в колонии труднодоступна, непрофессиональна и унижительна. Вместо нормального лечения человек сталкивается с отказами в помощи, очередями, угрозой наказания и бюрократией даже в простых вопросах.

Смерти в колонии в рассказах заключенных выглядят не как отдельные трагические исключения, а как следствие всей системы: пренебрежения здоровьем заключенных, приоритета режима над лечением, зависимости помощи от настойчивости самого заключенного и безнаказанного медицинского бездействия.

Сотрудники ИК-3, начиная от высших должностных лиц из администрации колонии, среднего звена оперативных и режимных сотрудников, заканчивая контролерами, являются ответственными за систематическое преследования и репрессии в отношении заключенных. Именно эта иерархическая и четкая система подчинения рядовых сотрудников администрации колонии обеспечивает выполнение преступных приказов в отношении политических и обычных заключенных ИК-3.

При этом сотрудники как непосредственно применяют физическое и психическое насилие, фальсифицируют взыскания, создают бесчеловечные условия отбывания наказания, так и преследуют политических заключенных через сеть своих доносчиков и провокаторов среди обычных заключенных. Рассматриваемые преступные действия не только влекут уголовную ответственность по уголовному закону Беларуси, но и являются частью широкомасштабного и системного преследования в рамках международного уголовного права.

Проанализированные экспертами Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси свидетельства бывших заключенных ИК-3 указывают на системные нарушения международных стандартов обращения с лицами, лишенными свободы. Речь идет, в частности, о запрете пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, праве на уважение частной и семейной жизни, принципе недискриминации, а также об обязанности государства обеспечивать защиту людей, находящихся под его полным контролем в местах лишения свободы.

Авторы расследования утверждают, что ряд сотрудников колоний являются соучастниками преследования граждан по политическим мотивам и иных преступлений против человечности, совершаемых в Беларуси по сей день. Согласно статье 85 УК РБ, правила об истечении сроков давности для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших уголовное преступление, предусмотренное статьей 128 УК РБ, не применяются.

[21] Статья 128 УК РБ предусматривает уголовную ответственность за действия, подпадающие под классификацию преступлений против безопасности человечества. Среди них — незаконное содержание в заключении, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения.

